

Х. Сословія въ Японіи.

Возстановленіе въ 1884 г. упраздненнаго незадолго передъ тѣмъ раздѣленія народныхъ классовъ. — „Квазоку“, „сизоку“ и „хеймини“. — Самураи, ихъ отношенія къ даймію, характеръ и историческое значеніе въ жизни страны. — Сословіе „етсо“, его происхожденіе и отличительныя черты.

Въ первое время по упраздненіи феодальнаго строя въ Японіи она оказалась страной чисто-демократическаго характера, но это только по наружности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ народѣ крѣпко держались еще привычки и традиціи прежняго порядка вещей. Отсутствіе титуловъ, которые указывали бы разницу между бывшимъ высокопоставленнымъ по рожденію и простолудиномъ, казалось японцамъ до такой степени неудобнымъ, что когда маркизь Ито посовѣтовалъ микадо возстановить въ Японіи родовое дворянство, то онъ и на самомъ дѣлѣ былъ выразителемъ желанія большинства правящихъ классовъ японскаго населенія. По этому совѣту въ 1884 году учреждены высшее дворянство, или *квазоку*, и мелкое дворянство, или *сизоку*; весь остальной народъ объявленъ гражданами, или „хеймини“.

Къ дверямъ дома каждого японца обязательно прибивается дощечка съ обозначеніемъ его имени и сословія, но въ этомъ отношеніи права состоянія никакихъ различій между этими сословіями не существуетъ. Всѣ равны передъ закономъ и пользуются одинаковыми гражданскими правами. Лишь только высшее дворянство имѣетъ нѣкоторыя преимущества.

Высшее дворянство, или *квазоку* (дословно: пропѣтающіе роды), распадается на пять разрядовъ, которымъ присвоены европейскіе титулы: князей (по-японски *ко*), маркизовъ (тоже *ко*), графовъ (*хаку*), виконтовъ (*си*) и бароновъ (*данз*). Вообще въ составъ высшаго дворянства вошли прежніе роды, ведшіе свое происхожденіе отъ императора и владѣтельные

феодалыне князья, а также нѣкоторыя лица, выдвинувшіяся своими заслугами въ эпоху востановленія власти микадо. Такимъ образомъ японская аристократія можетъ считаться и самою древней въ мірѣ, и самою юною. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ своими родоначальниками сподвижниковъ перваго миеическаго микадо, слѣдовательно, роду своему свыше 2500 лѣтъ. Но душою японскаго прогресса явились не дайміо, а самураи, изъ которыхъ образовано низшее дворянство, или *сизоку*.

Самураями (отъ глагола *самуранг*—служить) назывались вассалы дайміо. Возникновеніе этого класса относится къ VIII вѣку, когда былъ изданъ указъ, согласно которому всѣ состоятельные крестьяне, умѣющіе владѣть оружіемъ, должны были составить нѣчто въ родѣ милиціи подъ предводительствомъ самихъ дайміо. Мало-по-малу между самураями и дайміо установились вассальныя отношенія, но особенностью феодальнаго строя Японіи было то, что вассалы получали отъ дайміо подъ условіемъ службы не земли въ пользованіе, а пенсіи, которыя выдавались натурою. У менѣе значительныхъ дайміо, которые сами располагали годичнымъ доходомъ лишь отъ 10 до 20 тысячъ коку риса *), самураи получали отъ 30 до 500 коку риса въ годъ; у крупнѣйшихъ феодаловъ—Каге, Сацума, Мутсу—были самураи, доходъ которыхъ достигалъ 1000 коку риса. Внѣшними отличіями самураевъ были особое платье, а также два меча, изъ которыхъ одинъ служилъ боевымъ оружіемъ, а другой, болѣе короткій, предназначался для совершенія *харакіри* **).

*) Коку риса для того времени можно считать равносильнымъ 10 рублямъ.

**) Правомъ носить 2 меча пользовались и «*асигару*»—простые солдаты, считавшіеся слугами самураевъ.

Харакири—одинъ изъ своеобразнѣйшихъ обычаевъ старой Японіи. Буквально слово это означаетъ: „распарываніе живота“; впрочемъ, сами японцы предпочитаютъ употреблять однозначашее китайское выраженіе „*сен-пуку*“, которое кажется имъ болѣе элегантнѣмъ. Возникновеніе этого обычая самоубійства объясняютъ нежеланіемъ побѣжденныхъ воиновъ отдаться живыми въ руки врага. Съ теченіемъ времени обычай этотъ сталъ привиллегіею благородныхъ: въ случаѣ, если дворянинъ приговаривался къ смертной казни, ему предоставляли избавиться отъ услугъ палача, совершивъ надъ собой харакири; особое должностное лицо посылалось для присутствованія при самоубійствѣ. Впрочемъ, процедура мучительной харакири рѣдко производилась полностью; чаще всего сзади обреченнаго на харакири становился секундантъ, обыкновенно ближайшій его родственникъ, который въ то мгновеніе, когда тотъ вонзитъ себѣ кинжалъ въ животъ, однимъ ударомъ меча отсѣкалъ несчастному голову.

Въ лицѣ самураевъ существовалъ въ Японіи своеобразный и при томъ многочисленный классъ людей, которые вели совершенно особый образъ жизни. Основною добродѣтелью каждаго самурая считалась *лояльность*, то-есть вѣрность своему сюзерену-даймю, вѣрность до гроба, соединявшаяся со слѣпымъ повиновеніемъ, беззавѣтною преданностью и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ.

Громадную роль вообще сыграла въ исторіи Японіи одна черта, присущая всему японскому народу, но проявлявшаяся главнымъ образомъ въ самураяхъ. Это—страстная жажда знанія. Въ XVII вѣкѣ они углубились въ китайскую мудрость съ тою же страстностью, съ какою за послѣдніе 30—35 лѣтъ принялись за изученіе всего европейскаго. Китайская культура ставила предъ японцами вопросы духа, и самураи выдвигали изъ своей среды философовъ и моралистовъ; сущность евро-

пейской культуры японцы усматриваютъ въ техническомъ прогрессѣ и политикѣ, и самураи становятся во главѣ торгово-промышленныхъ предпріятій, дѣлаются политиками, создаютъ публицистику. Такой высокій интеллигентный общественный классъ, весь сотканный изъ честолюбія, съ вѣчно страстнымъ стремленіемъ самимъ стать и свой народъ поставить впереди всѣхъ въ мірѣ, получилъ бы руководящее значеніе въ странѣ, если бы даже онъ составлялъ малочисленный слой населенія. А самураи въ Японіи многочисленны. По послѣдней переписи (31 декабря 1898 года) въ Японіи, кромѣ 53 членовъ императорскаго дома, насчитывалось:

Квазоку 4,551 человекъ, Сизоку (т. е. бывшихъ самураевъ) 2.105,698, Хейминовъ—41.648,167.

Неоднократно намъ приходилось отмѣчать, что нравы съ трудомъ поддаются воздѣйствію закона, что на ряду съ европейскими нововведеніями въ Японіи сохраняются остатки прошлаго, которые въ корнѣ противорѣчатъ закону. Однимъ изъ такихъ остатковъ являются „етсо“, или японскіе паріи. Японія никогда не знала ни рабства, ни крѣпостничества въ тѣхъ его формахъ, въ какихъ оно существовало въ Европѣ. Но въ Японіи существовалъ классъ паріевъ, т. е. людей нечистыхъ, отверженныхъ, которые стояли какъ бы внѣ закона и одно прикосновеніе которыхъ считалось оскверняющимъ.

Происхожденіе этого класса неизвѣстно въ точности. Существуютъ различныя теоріи на этотъ счетъ, но изъ всѣхъ теорій наиболѣе правдоподобна та, которая приписываетъ возникновеніе класса паріевъ вліянію буддизма. Когда въ странѣ утвердился буддизмъ, запрещающій лишать жизни кого бы то ни было—не только человека, но и животныхъ,—то люди, занимавшіеся, какъ ремесломъ, живодерствомъ и обдѣлкой шкуръ, выдѣлились въ особый презрѣнный, нечистый классъ. И дѣйствительно, сословіе „етсо“ всегда занималось

живодерствомъ, какъ ремесломъ, и въ связи съ этимъ кожевеннымъ дѣломъ. При этомъ сие—единственный классъ Японіи, употреблявшій мясо въ пищу, что особенно возбуждало въ японцахъ-вегетеріанцахъ презрѣніе, гадливостъ и даже ненависть къ этимъ „пожирателямъ мяса“

Въ старину изъ среды „етсо“ выбирались также палачи; на нихъ возлагались работы обезпечивающаго характера: хоронить казненныхъ, больныхъ преступниковъ приносить въ суды и т. д. Нѣкогда ихъ образъ жизни и родъ занятій напоминали во многомъ жизнь и профессию венгерскихъ цыганъ. Они кочевали съ мѣста на мѣсто, снимали шкуры навшаго скота и лошадей и закапывали въ землю туши; брали въ починку обувь и посуду, но при этомъ входить въ домъ, хотя бы и бѣднѣйшаго японца, не смѣли: ихъ присутствіе оскверняло, поганило жилище. Въ городахъ они жили въ особыхъ, отведенныхъ исключительно имъ квартирахъ. Самое имя „етсо“ происходитъ отъ китайскаго ата—„величайшій стыдъ“.

По внѣшности „етсо“ почти ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ японцевъ, за исключеніемъ развѣ того, что женщины ихъ лакируютъ себѣ зубы. Но въ духовномъ складѣ *эта* нетрудно подмѣтить нѣкоторыя отличительныя черты. Японецъ любить природу, понимаетъ ее и живетъ въ постоянномъ общеніи съ ней; жилища же *эта* бросаются въ глаза благодаря особенностямъ, кажушейся въ Японіи прямо необычайной: возлѣ нихъ ни деревца, ни зелени, какъ будто не только люди, но и сама природа отъ нихъ отворачивается. Далѣе, японцы въ общемъ къ деньгамъ равнодушны; *эта*, напротивъ, къ деньгамъ жадны и любятъ ихъ копить. Хотя императорскій указъ отъ 12 ноября 1871 года объявилъ *эта*, общее число которыхъ въ то время составляло 287.111 человекъ, полноправными японскими гражданами, но до сихъ поръ законъ этотъ фактически остается

мертвою буквою. Народъ по-прежнему считаетъ паріевъ существами низшаго порядка и уклоняется отъ общенія съ ними. Когда ета выходитъ изъ чайнаго домика или ресторана, хозяинъ немедленно мѣняетъ цыновки, оскверненныя его прикосновеніемъ. До сихъ поръ еще ета вступаютъ въ браки съ себѣ подобными и въ городахъ живутъ всегда въ особомъ кварталѣ, занимаясь по преимуществу такими ремеслами, которыя считаются непристойными для буддистовъ (мясники, башмачники, сожигатели труповъ). Для нихъ придумано даже особое названіе „новопожалованнаго народа“. Любимою темою для японскихъ беллетристовъ служатъ злоключенія порядочной дѣвушки, которая до того увлеклась красавцемъ ета, что забыла всѣ чувства приличія и вышла за него замужъ.

XI. Войско и флотъ въ Японіи.

Общее состояніе войска и флота въ Японіи въ настоящее время.—Подраздѣленія сухопутныхъ войскъ. Численность ихъ.— Военныя учебныя заведенія.— Численность флота.— „Митсу-Биши“.

Военное и морское искусства, двадцать лѣтъ тому назадъ и не существовавшія здѣсь въ европейскомъ смыслѣ, теперь—совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ Европѣ. Сухопутное войско одѣто, обучено и вооружено по-европейски; о преуспѣяніи въ морскомъ дѣлѣ достаточно свидѣтельствуешь то, что еще въ прошломъ году европейскія моря видѣли японскій флагъ, развѣвавшійся на военномъ корветѣ, гдѣ капитанъ и весь экипажъ были одни японцы; искусство въ морскомъ судостроеніи доведено до того, что японцы теперь сами, безъ всякаго участія иностранцевъ, строятъ военные пароходы, въ которыхъ все до послѣдняго гвоздя чисто-японскаго производства.

Главою японской арміи, организованной чисто по

европейскому образцу, при содѣйствіи сначала французскихъ, а затѣмъ германскихъ инструкторовъ *), признается микадо. При немъ находится съ 1898 года верховный военный совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ трое сухопутныхъ генераловъ и одинъ адмиралъ. Военному министру предоставленъ высшій надзоръ за пополненіемъ рядовъ арміи и за административными въ ней порядками. Что же касается боевой подготовки войскъ, то заботы объ этомъ лежатъ на особомъ генераль-инспекторѣ, дѣйствующемъ независимо отъ военнаго министра. Ему подчинены всѣ военно-учебныя заведенія, за исключеніемъ военной академіи. Генераль-инспекторъ арміи непосредственно сносится съ самимъ императоромъ. До послѣдняго времени имъ былъ въ Японіи маршалъ Нодзу.

Генеральный штабъ въ Японіи пополняется офицерами, прослушавшими курсъ и выдержавшими экзаменъ въ Токио, въ военной академіи, въ которую принимаются по особому экзамену офицеры всѣхъ родовъ оружія, прослужившіе въ строю не менѣе двухъ лѣтъ. По окончаніи трехлѣтняго курса въ академіи офицеры возвращаются по меньшей мѣрѣ назадъ въ строй, откуда по мѣрѣ надобности переводятся въ генеральный штабъ. Какъ и въ Германіи, офицеры генеральнаго штаба избавлены отъ несенія адъютантской службы. Генеральный штабъ подчиненъ начальнику главнаго штаба, который тоже непосредственно сносится съ самимъ императоромъ. Должность начальника главнаго штаба до послѣдняго времени занималъ маршалъ Ояма.

Всѣ сухопутныя войска въ Японіи дѣлятся на: 1) постоянную армію, 2) на территоріальную армію и 3) на народное ополченіе и милицію.

*) Незадолго до начала войны съ Китаемъ послѣдніе оставшіеся еще на службѣ въ японской арміи иностранцы-инструкторы были уволены.

Постоянная армія состоитъ изъ дѣйствующихъ и запасныхъ войскъ. Дѣйствующія войска состоятъ изъ пѣхоты и кавалеріи, артиллеріи (полевой и крѣпостной), саперныхъ и обозныхъ войскъ. Всего въ дѣйствующихъ войскахъ насчитывается:

	Число.	Численный составъ въ мирное время.	Въ тѣм. людей въ военное время.
Пѣхотныхъ батальоновъ	156	88	147
Эскадроновъ кавалеріи	55	8,5	9,5
Батарей полевой и горн. артиллеріи .	112	13,5	13,5
Крѣпостныхъ артилл. батальоновъ .	23	11,5	11,5
Саперныхъ батальоновъ	13	5,4	2,2
Желѣзнодорожныхъ батальоновъ .	1	—	—
Телеграфныхъ учебн. батальоновъ .	1	—	—
Воздухоплавательныхъ отдѣленій .	1	—	—
Обозныхъ батальоновъ	13	8	8
Всего	—	134,7	197,0

Запасныя войска, которыя въ военное время входятъ въ составъ постоянной арміи, предназначаются для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ; въ мирное время кадровъ не имѣютъ, въ военное же формируются изъ людей запаса и рекрутскаго резерва (въ который зачисляется ежегодно часть излишка призывныхъ) по слѣдующему разсчету: на полкъ пѣхоты—батальонъ, кавалеріи—эскадронъ, артиллеріи—батарея, инженерный и обозный батальонъ—рота. Всего запасныхъ войскъ должно быть 52 батальона, 12 эскадроновъ, 12 батарей, 13 инженерныхъ и 13 обозныхъ ротъ,—общео численностью свыше 34,5 тысячъ чело-вѣкъ. Съ запасными войсками численность постоянной арміи достигаетъ 231,5 тысячъ чело-вѣкъ

Территоріальная армія формируется при мобили-зациі изъ людей запасныхъ, окончившихъ уже службу въ арміи, и предназначается для обороны предѣловъ государства, замѣщенія или усиленія войскъ постоян-

ной арміи. Число частей территоріальной арміи предположительно опредѣляется по разсчету 4 двухбатальонныхъ полковъ пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ и 1 четырехъ-батарейнаго артиллерійскаго полка—на дивизію. Всего въ территоріальной арміи 52 полка (104 бат.), 25 эскадроновъ, 13 артиллерійскихъ парковъ (52 батареи, соединяемыхъ въ дивизіи соотвѣтственно таковымъ въ постоянной арміи). Численность ея должна быть около 121,7 тысячъ человекъ.

Народное ополченіе обнимаеъ всѣхъ лицъ въ возрастѣ отъ 17 и до 40 лѣтъ, способныхъ носить оружіе, не числящихся въ другихъ разрядахъ арміи. Милиція образуется для обороны нѣкоторыхъ мелкихъ острововъ (Ріу-Кіу, Гото) собственными средствами, пополняется охотниками и состоитъ преимущественно изъ цѣшихъ командъ; только на *Цуемпъ* въ составѣ ея, кромѣ батальона, имѣется еще эскадронъ и горная батарея.—Въ мирное время дивизія, которою командуетъ генералъ-лейтенантъ, составляетъ высшую административную единицу. Въ военное время дивизіи соединяются въ арміи. Предназначаемые къ командованію этими арміями маршалы занимаютъ должности въ родѣ инспекторовъ арміи, но не имѣютъ опредѣленныхъ раіоновъ, а каждый разъ получаютъ спеціальныя порученія отъ императора.

Японская армія пополняется путемъ всеобщей воинской повинности, которою обязаны всѣ лица въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ. Для лицъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ—для народныхъ учителей и прочихъ—установлены широкія льготы по отбыванію воинской повинности. Особыя правила облегчаютъ молодымъ людямъ пребываніе за-границей: всякій, кто отправляется туда, получаетъ громадную отсрочку, именно до 32-лѣтняго возраста, и затѣмъ переходитъ уже прямо въ ополченіе; кто вернется на родину раньше, тотъ обязанъ немедленно явиться на службу.

Вся служба раздѣляется на четыре отдѣльныхъ вида: служба дѣйствительная, запасъ перваго призыва (запасныя войска), запасъ 2 призыва (территориальная армія) и ополченіе. Такъ какъ число призывныхъ обыкновенно значительно превосходитъ потребность въ рекрутахъ, то ежегодно происходитъ жеребьевка.

Ежегодно на службу принимается по жеребью около 60 тысячъ человѣкъ. Сверхъ того, всякое лицо въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, способное носить оружіе и не принадлежащее ни къ дѣйствующимъ войскамъ, ни къ запасу, зачисляется въ ополченіе.

Дѣйствительная служба начинается только по достиженіи 21 года; отъ 12 и до 21 года можно записываться въ вольноопредѣляющіеся, которые обыкновенно передъ окончаніемъ службы сдаютъ экзаменъ на офицера запаса. Вступившій на дѣйствительную службу остается тамъ 3 года (во флотѣ 4 года), затѣмъ переходитъ въ первый запасъ, далѣе черезъ 4-3 года—во второй и черезъ 5 лѣтъ—въ ополченіе. Ежегодно оба запаса могутъ быть призваны для отбыванія лагернаго сбора на два мѣсяца.

Ополченіе состоитъ въ Японіи изъ двухъ частей. Въ составъ первой части входятъ люди между 20 и 40 годами, окончившіе свой срокъ состоянія въ запасѣ; они, слѣдовательно, представляютъ собою обученный военному дѣлу контингентъ. Вторая часть ополченія, также въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ, состоитъ изъ людей, совершенно не обученныхъ военному дѣлу. По общимъ отзывамъ при мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ въ Японіи можетъ оказаться недочетъ въ офицерахъ. Въ концѣ 1903 года, то-есть почти наканунѣ войны, въ японской арміи должно было быть 10.223 офицера; а такъ какъ для мобилизованной японской арміи необходимо 12.000 офицеровъ, то недостатокъ офицеровъ въ 1.800 человѣкъ былъ пополненъ усиленнымъ выпускомъ изъ военно-учебныхъ заведеній

и производствомъ заурядъ-офицеровъ изъ фельдфебелей и старшихъ унтеръ-офицеровъ.

Военно-учебное заведеніе, выпускающее молодыхъ офицеровъ, называется „школою подпрапорщиковъ“. Принимаются въ училище по конкурсному экзамену нижніе чины по прослуженіи года въ строю, а безъ экзамена — кадеты токійскаго корпуса, отбывшіе лагерный сборъ при войскахъ. Ихъ по окончаніи корпуса опредѣляютъ въ полки, откуда въ концѣ осени посылаютъ въ училище. Курсъ въ училищѣ однолѣтній. Тамъ преподаются однѣ военныя науки; строевыхъ занятій почти нѣтъ; по специальностямъ юнкера не дѣлятся; кавалеристы, артиллеристы и саперы доучиваются своей специальности уже въ офицерскомъ званіи.

Независимо отъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ школы подпрапорщиковъ, существуетъ еще въ японской арміи низшій чинъ — „*токумъ-сою*“ (старшій фельдфебель), который считается по рангу офицерскимъ; для движенія его по службѣ требуется сдача особаго экзамена. Правомъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ, кромѣ „*токумъ-сою*“, пользуются фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры, которые получаютъ званіе офицеровъ запаса. Пробывъ же офицеромъ запаса зиму, а затѣмъ отбывъ лагерный сборъ, можно проситься о переводѣ офицеромъ въ дѣйствующую армію.

Въ общемъ итогѣ японская армія насчитываетъ въ военное время около 355,000 человекъ (по другимъ исчисленіямъ 387,400 чел.) и 100,000 лошадей.

Населеніе Японіи составляетъ въ настоящее время около 50 милліоновъ, и по сравненію съ арміями главныхъ европейскихъ государствъ боевая численность японскаго войска даже въ полмилліона врядъ ли оправдала бы утвержденія, что Японія можетъ посредствомъ него стать преобладающимъ въ Азіи военнымъ госу-

дарствомъ. Въ концѣ XVI вѣка, когда Японія дѣйствительно была близка къ тому, чтобы покорить весь Китай, войско японское было неизмѣримо больше относительно общей численности населенія. Во время корейской экспедиціи Фиде-Иего населеніе Японіи врядъ ли превосходило 20 милліоновъ, и тѣмъ не менѣе вторгнувшееся въ Корею войско достигало 300,000 чел. Въ эту эпоху Японія несомнѣнно располагала самымъ большимъ войскомъ въ мірѣ. Далѣе, въ 1615 году, во время второй осады Осаки, участвовало около 400,000 человекъ, хотя этимъ несомнѣнно не исчерпывались боевыя силы Японіи. Обращаясь же къ недавнему прошлому времени, необходимо также отмѣтить, что до 1873 года, когда Японія приступила къ реформамъ, составъ ея войска значительно превосходилъ нынѣшній.

Главное управленіе военнымъ японскимъ флотомъ находится въ Токио. Административною его частью завѣдуетъ морское министерство, а строевою—главный командиръ флота, назначенный самимъ императоромъ изъ числа адмираловъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Островное положеніе Японіи побудило правительство микадо не останавливаться ни передъ какими жертвами для того, чтобы обзавестись большими судами, собственными верфями, доками и арсеналами.

Офицеры для флота берутся изъ морскихъ кадетскихъ корпусовъ, и обученіе ихъ ведется согласно принципамъ англійскаго военнаго флота. Для высшаго образованія морскихъ офицеровъ и инженеровъ существуетъ морская академія въ Токио, такъ же какъ и артиллерійскія, и минныя школы. Инженерный корпусъ морскихъ офицеровъ пополняется воспитанниками инженерной школы въ Йокосуко. Военный флотъ Японіи, состоявшій въ 1894 году только изъ 43 судовъ общою вмѣстимостью въ 78,000 тоннъ, къ началу 1904 года

возросъ до 168 судовъ въ 265,000 тоннъ общаго водоизмѣщенія. Въ частности имѣлось: 6 эскадренныхъ броненосцевъ, 2 броненосца береговой обороны, 6 броненосныхъ крейсеровъ, 9 бронепалубныхъ крейсеровъ перваго класса и 7 втораго класса, 19 контръ-миноносцевъ (истребителей) и 35 миноносковъ. Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ войны этотъ составъ пополнился покупкою двухъ новыхъ броненосныхъ крейсеровъ: „Кассуга“ и „Ниссинъ“.

Что касается торговаго флота Японіи, то и онъ построенъ лишь въ недавнее время.

Когда въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія европейцы и американцы начали упорно добиваться открытія портовъ Японіи для иностранной торговли и въ подкрѣпленіе этихъ требованій въ японскихъ водахъ то здѣсь, то тамъ, несмотря на запрещеніе туземныхъ властей, начали появляться иностранные пароходы, пренебрегавшіе всѣми существовавшими дотогѣ запрещеніями о вѣздѣ иностранцевъ, — то японцы тогда только поняли, что всѣ угрозы европейцамъ будутъ пустымъ звукомъ до тѣхъ поръ, пока они не противопоставятъ силѣ европейскихъ броненосцевъ равную имъ по качеству и количеству туземную паровую флотилію. Но страна состояла тогда изъ отдѣльныхъ полунезависимыхъ княжествъ, которыя не обладали ни силами, ни средствами для покупки или сооруженія огромныхъ судовъ, и всѣ отдѣльныя попытки удѣльныхъ князей (дайміосовъ) или ни къ чему не вели, или влекли за собой лишь сооруженіе небольшихъ судовъ, годныхъ скорѣе для нуждъ каботажнаго (берегового) плаванія, чѣмъ для борьбы въ открытомъ океанѣ съ судами европейской конструкціи. Тогда японцы начали составлять союзы и общества для достиженія своей завѣтной цѣли—изгнанія иностранцевъ изъ предѣловъ своего отечества. Суда стали лихорадочно строиться, вводились разныя поспѣшныя нововве

денія, приступлено было къ преобразованію всего флота, поспѣшно перевооружались старыя японскія суда.

Японцы явили въ это тяжелое для своей родины время не мало примѣровъ великаго самоотверженія и патріотизма; независимые князья отказывались даже зачастую отъ всѣхъ своихъ доходовъ въ пользу центральнаго императорскаго правительства. Къ этому времени относится и учрежденіе теперь всемірно-извѣстной частной мореходной компаніи „*Митсу-Биси*“, которой вскорѣ послѣ ея основанія японское государственное казначейство открыло неограниченный кредитъ, что дѣлало ея существованіе болѣе прочнымъ и надежнымъ.

XII. Пути сообщенія.

Желѣзныя дороги.—Водные пути.—Почта.—Телеграфъ.—Телефонъ.

Первая желѣзная дорога Йокагама — Токио была открыта для движенія въ 1872 году; въ концѣ 1882 г. имѣлось всего лишь 250 километровъ *) рельсовыхъ путей, къ концу же 1902 г. рельсовая сѣть Японіи состояла изъ 6,476 килом., изъ которыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ было 1,704 километра, а частныхъ 4,772 километра, принадлежащихъ 48 компаніямъ съ оплаченнымъ и запаснымъ капиталами въ 191 милліонъ іенъ; но почти половина всѣхъ открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ 5 компаніямъ. Столь быстрый ростъ рельсовой сѣти представляется тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что въ Японіи проведеніе желѣзныхъ дорогъ сопряжено съ огромными расходами въ виду необходимости пролагать вообще большое число туннелей и сооружать длинные мосты на рѣкахъ, подверженныхъ сильнымъ разливамъ; большимъ тормазомъ является также недостатокъ капиталовъ. Многія линіи устроены въ два пути, съ отдѣльными

*) Километръ—почти верстъ (0,937 верстъ).

туннелями и мостами для каждого. Вагоны строятся въ самой Японіи на двухъ казенныхъ заводахъ, близъ Токио и въ Оми, и на двухъ частныхъ — въ Осаки и Нингитѣ.

Внутренніе водные пути имѣютъ большое значеніе въ Японіи, особенно въ виду того, что тамъ внѣ городовъ телеги почти неизвѣстны, и по грунтовымъ дорогамъ грузы перевозятся почти исключительно на вьючныхъ животныхъ (лошади и рогатый скотъ) и на спинахъ людей. Главнѣйшимъ воднымъ путемъ является тотъ, который съ помощью каналовъ соединяетъ озеро Бива съ рѣкою Коли-Гава и послѣднюю съ Осакискимъ заливомъ. Каналъ Бива, открытый для движенія въ 1890 году, представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооружений этого рода. Главный каналъ имѣетъ въ длину $6\frac{7}{8}$ англ. миль и частью проложенъ въ туннеляхъ; на протяженіи полуверсты суда, помѣщенные на платформы, передаются вверхъ и внизъ по рельсамъ, проложеннымъ по наклонной плоскости. Платформы (обѣ одновременно) перемѣщаются по рельсамъ силою электрической энергіи, которая получается тутъ же отъ паденія воды. Существуетъ еще нѣсколько судоходныхъ рѣкъ, главнымъ образомъ судоходныхъ въ своемъ нижнемъ теченіи, какъ, напр., Синаво-Гава, у которой расположенъ городъ Нагойя и которая впадаетъ въ море близъ города Нингита.

Почтовые, телеграфныя и телефонныя сообщенія получили въ Японіи весьма значительное развитіе, несмотря на ихъ позднее возникновеніе, относящееся для почтъ и телеграфовъ къ началу 1870-хъ годовъ. Телефонныя сообщенія къ марту 1901 года были устроены въ 25 городахъ. Въ настоящее время число телефонныхъ сѣтей въ городахъ больше; многіе города и даже курорты на островѣ Хондо, а равно и острова Хондо и Кіу-Сіу, соединены между собой телефономъ; подготавливается такое же сообщеніе между островами Хондо

и Иессо. Почтово-телеграфные тарифы очень скромны. Количество почтовой и телеграфной корреспонденции сравнительно съ европейскими государствами весьма значительно и постепенно возрастаетъ.

XIII. О сношеніяхъ Японіи съ иностранцами.

Португальцы.—Иезуиты.—Убійство пословъ.—Голландцы.—Англичане.—Американцы.—Русскіе.—Лаксманъ.—Путятинъ.—Договоръ 1855 года.

Неудержимый потокъ историческаго движенія увлекъ наконецъ Японію послѣ двухвѣковой замкнутости въ широкій кругъ всемірныхъ сношеній. Счастливая своимъ положеніемъ въ умѣренномъ поясѣ Великаго океана, богатая естественною производительностью и еще болѣе трудолюбіемъ и способностями своихъ обитателей, Японія нынѣ идетъ къ тому, чтобы поравняться съ передовыми народами Старого и Нового свѣта въ просвѣщеніи, промышленности и внѣшнемъ могуществѣ. Природная любознательность японцевъ проснулась отъ долговременнаго застоя, и молодежь изъ лучшихъ родовъ разсѣялась уже по большимъ городамъ Европы и Америки, чтобы пріобрѣсти познанія, которыя нужны ея отечеству и которыхъ недостаетъ ему. Узы, связывающія Японскій архипелагъ съ Америкой и Европой, становятся все тѣснѣй и тѣснѣй, и нѣтъ сомнѣнія, что совершившійся въ ней переворотъ будетъ также важенъ по своимъ послѣдствіямъ для восточно-азиатской островной группы, какъ реформа XVIII столѣтія была важна для Россіи.

Японія нынѣ, какъ и въ XVI вѣкѣ, безъ большихъ затрудненій открыла сношенія съ западными народами. Несмотря на тяжелыя потрясенія, испытанныя послѣ перваго водворенія иностранцевъ, потрясенія, которыя живо сохранились въ народной памяти,—японцы привѣтливо встрѣтили американскія суда, ко-

торыя рѣшились проложить дорогу въ заповѣдный дотолѣ край. Договоры съ Америкой и Россіей, несмотря на естественную въ этихъ случаяхъ осторожность, потребовали для заключенія по нѣскольку мѣсяцевъ, послѣдующія же націи трактовали лишь по нѣскольку дней, и теперь важнѣйшіе города имперіи имѣютъ цѣлыя колоніи европейцевъ—купцовъ, судохозяевъ, банкировъ, чиновниковъ миссій и даже военныхъ.

Японія стала извѣстна въ Европѣ лишь XVIII столѣтія. Греки и римляне вовсе не знали этого государства, даже и по имени. Первые прибывшіе въ него европейцы были португальскіе мореходцы, или искатели приключенія. Португалія, какъ извѣстно, въ XVI вѣкѣ была сильной морской державой: въ два столѣтія передъ тѣмъ она охватила своими открытіями почти всю Атлантику, Индійскій океанъ и даже берега отдаленной Китайской имперіи. Здѣсь, какъ въ испанской Америкѣ, кипѣла жизнь, полная тревогъ, промышленной предприимчивости и романтическихъ стремленій въ невѣдомыя дотолѣ страны. Одинъ и тотъ же португалецъ бывалъ часто солдатомъ, купцомъ, матросомъ и, если нужно, и морскимъ разбойникомъ. Не было жертвы, которой не согласился бы принести предприимчивый и рѣшительный авантюристъ того времени—лишь бы обогатиться черезъ открытіе новыхъ странъ или прославиться завоеваніемъ ихъ. Въ числѣ такихъ искателей приключенія одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ *Фернандесъ Мендесъ Пинто*. Ему и принадлежитъ честь сообщенія первыхъ вѣрныхъ свѣдѣній объ Японіи, куда его занесло бурей вмѣстѣ съ двумя другими португальцами, находившимися на торговой китайской джонкѣ.

Пинто самъ эти событія относитъ къ 1545 году, и это показаніе сходится съ показаніемъ самихъ японцевъ.

Вслѣдъ за открытіемъ начались и торговля сношенія португальцевъ, а въ 1549 году они доставили на японскую землю и первыхъ миссіонеровъ-іезуитовъ, постоянныхъ спутниковъ тогдашнихъ католиковъ-„открывателей“. При крайней вѣртерности японцевъ неумудрено, что дѣла этихъ миссіонеровъ пошли сразу весьма успѣшно, тѣмъ болѣе, что ихъ вождемъ былъ извѣстный въ то время іезуитъ Францискъ Ксаверій, человекъ превосходныхъ способностей и величественныхъ пламенныхъ убѣждений. Торговля сношенія съ Японіей были чрезвычайно выгодны португальцамъ. Даже общій голосъ говорилъ, что португальцы нашли въ Японіи „золотую жилу“.

И все бы шло прекрасно, и португальцы, навѣрно, приобрѣли бы еще больше выгоды изъ торговыхъ сношеній съ Японіей, если бы не испортили все дѣло іезуиты. Обиженные своимъ первоначальнымъ успѣхомъ, іезуиты стали слишкомъ уже важничать даже передъ японскими владѣтельными сановниками и князьями, притѣснять японцевъ, нехристіанъ и даже отчасти вмѣшиваться въ политическія дѣла страны; все это не пришлось, конечно, по сердцу ни японскимъ властямъ, ни народу. И наконецъ въ 1632 году раздраженіе японскаго правительства противъ продѣлокъ іезуитовъ достигло своего предѣла и вызвало кровавую бурю. Португальцы были изгнаны изъ Японіи навсегда, и ихъ неоднократныя попытки возобновить сношенія повели лишь къ тому, что ихъ посольство было схвачено (въ 1641 году) и предано смерти, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ.

Кромѣ португальцевъ, съ Японіей еще въ началѣ XVII вѣка начали сноситься и голландцы. Молва о неисчислимыя выгодахъ португальцевъ отъ японской торговли заставила ихъ подумать объ открытіи пути и на крайній сѣверо-востокъ тогдашняго азіатскаго міра. Съ этой цѣлью была снаряжена флотилія

изъ пяти судовъ подъ начальствомъ Іакова Магу и отправлена къ берегамъ Японіи. Эскадрѣ, однако, не посчастливилось въ пути: адмираль умеръ, а корабли должны были зимовать въ Маггелановомъ проливѣ, гдѣ оказался недостатокъ въ провизіи. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ достигъ провинціи Кунго и былъ принятъ гостепріимно японцами.

Но едва узнали о томъ іезуиты, какъ объявили голландцевъ пиратами, и они, по всей вѣроятности, были бы казнены, если бы самъ императоръ, бывшій случайно тогда въ Осакѣ, не потребовалъ къ себѣ командира голландскаго судна, Адамса, и одного изъ его спутниковъ. Допросивъ ихъ, онъ сохранилъ имъ жизнь, но конфисковалъ корабль и оставилъ плѣнными въ Японіи.

Скоро, однакоже, высокія качества капитана, который собственно былъ англичанинъ и только служилъ у голландцевъ, приобрѣли ему уваженіе истыхъ японцевъ и даже самаго сіюгуна, для котораго онъ построилъ два корабля. Поэтому, когда въ 1609 году прибыли въ Японію два новые голландскіе корабля, Адамсъ и его товарищи были отпущены, и голландской націи представлено было право торговать въ Фирандо. Ими была основана факторія на этомъ островѣ, первоначально состоявшая изъ бѣдныхъ хижинъ. Голландцы свободно торговали съ Фирандо, совсѣмъ не занимаясь религіозной пропагандой, но все-таки, когда португальцы были изгнаны изъ страны за свои дѣянія, то и голландцамъ тоже было грозила опасность быть изгнанными изъ страны, но по общему показанію современниковъ голландцы отозвались, что они не христіане, и тѣмъ только спасли себя отъ изгнанія.

Наравнѣ съ голландцами и португальцами торговали въ XVII вѣкѣ съ Японіей и англичане. Начало ихъ сношеній относится къ 1613 году, когда корабль остъ-индской компаніи „Glove“ подъ начальствомъ

капитана Джона Сариса прибылъ въ Фирандо съ письмами короля Іакова къ японскому императору и князю Фиранда и съ грузомъ товаровъ. Сарисъ немедленно вошелъ въ сношенія съ мѣстными властями, потомъ принялъ къ себѣ на бортъ Адамса, отплылъ въ Іеддо, чтобы тамъ представить императору подарки короля и заключить договоръ о торговлѣ. Это послѣднее ему удалось какъ нельзя лучше, и послѣ кратковременныхъ переговоровъ съ секретаремъ сіюгуна онъ получилъ торговый патентъ, который дозволилъ англичанамъ на широкихъ основаніяхъ открыть торговлю съ японцами, несмотря даже на нѣкоторое вмѣшательство ихъ въ дѣла страны и непріятныя столкновения съ мѣстными властями. Кромѣ того, сіюгунъ японскій написалъ въ высшей степени любезное письмо къ королю Іакову, гдѣ, упоминая о данныхъ его подданнымъ правахъ, онъ какъ бы придаетъ имъ силу международныхъ обязательствъ. Правда, черезъ три года послѣ выдачи патента японцы, вѣроятно для того, чтобы удовлетворить другихъ европейцевъ, стѣснили кругъ правъ англичанъ, ограничивъ ихъ доступъ въ Японію одною гаванью Фирандо; но въ этомъ ничего оскорбительнаго для ихъ народнаго самолюбія не было, потому что и другія европейскія націи пользовались небольшими преимуществами. Ихъ факторія была основана въ 1616 году, и торговая дѣятельность продолжалась въ ней семь лѣтъ безпрепятственно, несмотря на зависть голландцевъ и происки ихъ католическихъ миссіонеровъ. Но въ 1623 году англичанамъ пришлось оставить Японію,—по какимъ причинамъ, до сихъ поръ съ точностью неизвѣстно; но, вѣроятно, по интригамъ ихъ европейскихъ соперниковъ. Тридцать лѣтъ спустя они пробовали было возобновить сношенія; но прибывшая къ Нагасаки ихъ флотилія изъ четырехъ кораблей была принята непріязненно, и потомъ всѣ повторявшіяся попытки, до

1849 года, не привели ни къ чему, хотя японцы довольно добродушно отнеслись къ Героутону, плававшему въ ихъ водахъ.

Одна изъ причинъ долговременнаго недовѣрія къ подданнымъ британскихъ королей состояла въ томъ, что голландцы успѣли увѣрить японцевъ въ тѣсной дружбѣ и родствѣ этихъ королей съ испанскими государями, а ненависть къ испанцамъ и португальцамъ была очень сильна въ Японіи. Притомъ нѣкоторые изъ англійскихъ кораблей, приходившихъ въ Нагасаки, напр. Фастонъ (1803 г.), вели себя весьма подозрительно.

Не ранѣе 1854 года англичанамъ удалось заключить договоръ, открывавшій имъ тѣ же гавани, что и Соединеннымъ Американскимъ штатамъ. Съ 1858 года они являются одними изъ главныхъ торговыхъ дѣятелей въ тѣхъ портахъ, которые японское правительство по трактатамъ того года обязалось открыть западнымъ націямъ. Англійскій языкъ является нынѣ господствующимъ въ Йокагамѣ и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ японцы сходятся съ европейцами.

Исторія сношеній съ японцами американцевъ и русскихъ отличается тѣмъ, что ни въ XVI, ни въ XVII вѣкѣ они не были ей извѣстны и, слѣдовательно, не оставили по себѣ къ XIX вѣку преданій непріязненныхъ, не располагавшихъ въ ихъ пользу. Уже одно это обстоятельство, а также и то, что они не католики, зараженные болѣзнью латинской пропаганды, позволяло ожидать, что они скорѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, разрушать вѣковыя узы, наброшенные судьбою на имперію микадо.

Близость Россіи и удобство сообщенія съ Соединенными Штатами по открытому морю тоже облегчали задачу и давали вѣроятность успѣха. Смѣлые и предприимчивые граждане великой американской республики первые вступили на японскую почву, какъ

представители дружественной страны. Почти одновременно того же добились и русскіе. Но, впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что успѣху предшествовало нѣсколько неудачныхъ попытокъ.

Въ 1852 году была снаряжена знаменитая американская экспедиція Перри, которой впервые удалось побѣдить предубѣжденіе японцевъ, два вѣка упорно отстаивавшихъ свою совершенную замкнутость. О плаваніи Перри у насъ въ Россіи извѣстно немного подробностей, и самый отчетъ американскаго командира не переведенъ на русскій языкъ, какъ бы слѣдовало этого ожидать въ виду того, что Японія намъ сосѣдняя нація и что Перри лишь немногимъ предупредилъ нашего адмирала Путятина. Экспедиція Перри прибыла въ заливъ Іеддо 8 іюля 1853 года. Послѣ нѣкоторыхъ промедленій Перри былъ принятъ самимъ микадо и вручилъ ему письмо отъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Отъ этой ауденціи успѣхъ былъ весьма значительный, и послѣ нѣкоторыхъ дружественныхъ переговоровъ былъ подписанъ наконецъ договоръ, которымъ предоставлялось американцамъ торговать въ двухъ гаваняхъ японской имперіи: Симодѣ и Хакодѣ, и имѣть даже консула въ первой изъ нихъ. Кромѣ того, американскія суда получали право заходить и во всѣ другіе порты этого государства для снабженія себя провизіей, водою, углемъ и въ случаѣ нужды для спасенія отъ опасности. Таковъ былъ блистательный успѣхъ американцевъ, особенно для перваго раза; въ послѣдствіи этотъ предприимчивый народъ достигъ еще большаго.

Что же касается Россіи, то до XVIII вѣка, можно сказать, она и не знала Японіи. Владѣнія ея въ восточной Азіи не примыкали къ имперіи микадо. Петръ Великій, котораго политическій геній охватывалъ всѣ сосѣднія Россіи земли, также не дѣлалъ ничего, чтобы сорвать покровъ съ таинственнаго архипелага, кото-

рый лежитъ въ пяти дняхъ пути отъ Охотскаго моря и Камчатки и командуетъ берегами восточной Азіи, которые рано или поздно должны были стать достояніемъ Россіи, потому что политика пекинскаго двора осуждала ихъ быть пустынными.

Русскимъ дипломатамъ первой половины XVIII вѣка было не до Японіи. Императрица Екатерина первая оцѣнила то значеніе, какое можетъ имѣть для Россіи японское государство. Умная, предприимчивая государыня эта рѣшилась было завязать непосредственное сношеніе и связи съ имперіей микадо и, быть можетъ, извлечь изъ этого выгоду для своихъ восточно-азиатскихъ владѣній; но сдѣлала это, не рискуя унижить достоинство своей имперіи возможнымъ отказомъ японцевъ. Съ этою цѣлью она поручила сибирскому губернатору Пилю отправить находившихся уже нѣсколько лѣтъ въ Иркутскѣ японскихъ моряковъ въ ихъ отечество „при офицерѣ малаго чина, отъ имени его, губернатора, но не отъ имени правительства вообще“.

Поручикъ Лаксманъ былъ посланъ изъ Охотска и присталъ къ берегамъ Мазмая, гдѣ и былъ принятъ японцами весьма ласково. Мѣстное начальство даже благодарило русскихъ за возвращеніе плѣнныхъ и снабдило ихъ провизіею и всѣмъ нужнымъ на обратный путь, но по вопросу о сношеніяхъ другого рода (т. е. дипломатическихъ) нужно было идти въ Нагасаки, какъ единственный портъ, гдѣ было дозволено приставать иностранцамъ, и при этомъ японское правительство дало поручику Лаксману письменное дозволеніе на проходъ въ нагасакскую гавань. Не будучи уполномоченъ вести какіе-либо переговоры, Лаксманъ не пошелъ туда, а возвратился въ Охотскъ.

За смертью Екатерины планы ея были оставлены и возобновились не раньше, какъ черезъ восемь лѣтъ. Въ 1804 году два корабля, кушленные въ Англіи и

получившіе названіе „Невы“ и „Надежды“, вышли изъ Кронштадта, чтобы посѣтить сѣверо-восточные берега Азіи и сѣверо-западные Америки. Министръ того времени графъ Румянцевъ, по настоянію котораго было послано посольство во главѣ съ графомъ Головкинымъ и Потоцкимъ въ Китай, предложилъ соединить съ ними атлантическую миссію къ іедосскому двору (т. е. въ Японію). Выборъ палъ на нѣкоего Рязанова, представителя модной тогда Россійско-Американской компаніи. Онъ былъ сдѣланъ камергеромъ, произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ посланникомъ. Его сопровождала многочисленная свита. Но эта миссія въ Японію кончилась неудачно, и Рязановъ черезъ пять мѣсяцевъ вернулся ни съ чѣмъ.

Легко понять раздраженіе Рязанова послѣ такого неудачнаго исхода довѣренной ему миссіи; только шесть лѣтъ спустя послѣ отплытія корабля „Надежды“ изъ Нагасаки появилось другое русское судно въ японскихъ водахъ, у Курильской гряды. Это судно было „Діана“ подъ начальствомъ Головнина. Хотя Головинъ и не имѣлъ порученія сноситься съ японцами, но онъ вслѣдствіе надобности въ водѣ и дровахъ подошелъ къ японскому селенію на Итурунѣ и здѣсь, объяснивъ начальству о своихъ нуждахъ, заявилъ, что японцы должны считать русскихъ дружественною имъ націею.

Только 4 января 1855 года былъ заключенъ и подписанъ адмираломъ Путятинымъ договоръ, по которому для Россіи открывались двѣ японскія гавани, устанавливалась точная граница между обѣими имперіями, въ „Курильскомъ архипелагѣ“, русское правительство получало право назначать консула въ одинъ изъ японскихъ портовъ, и Россія навсегда причислялась къ наиболѣе благопріятствуемымъ Японіи націямъ, ибо могла отнынѣ пользоваться всѣми преимуществами, какія только даруются другимъ иностранцамъ, не ведя

никакихъ особыхъ переговоровъ. Трактатъ 1855 года коснулся даже и Сахалина, хотя едва ли къ большой выгодѣ Россіи. Именно статьей 8 опредѣлено, что островъ этотъ остается неразграниченнымъ между обоими государствами.

Вопросъ о Сахалинѣ, повидимому, поднять былъ японскими дипломатами и внесенъ въ трактатъ по желанію ихъ; ибо нельзя допустить, чтобы русскій уполномоченный самъ наложилъ руку на русское дѣло. Россія въ 1854 году населила уже устье Амура и важности Сахалина не могла не знать. Во всякомъ случаѣ ясно, что договоръ адмирала Путятина былъ столь же самостоятеленъ, какъ и американскій трактатъ Перри.

XIV. Общественный и домашній бытъ японцевъ.

Жилище.—Одежда.—Пища.—Этикетъ.—Образованіе.—Школы и дисципллина. — Общественныя праздничныя церемоніи.—Похороны.—Бракъ.

Зданія японцевъ совсѣмъ непохожи на тѣ, въ которыхъ живемъ мы, европейцы. Существенная ихъ особенность—это легкость постройки. На архитектуру своихъ домовъ японцы мало обращаютъ вниманія, и строители ихъ не обнаруживаютъ утонченнаго вкуса и знанія архитектуры. Даже ихъ храмы, кромѣ буддійскихъ, имѣютъ видъ огромныхъ деревянныхъ сараевъ.

Домъ японскій представляетъ собою легкую и плоскую постройку. Зданіе покрыто массивной черепичной крышей, приподнятой вверхъ остріями на китайскій манеръ, которая точно придавливаетъ его къ землѣ всей своею тяжестью, что даетъ ему прочность и устойчивость во время часто случающихся въ странѣ землетрясеній, но плохой видъ. Построенный весь изъ дерева, ивовыхъ прутьевъ и бумаги, домъ напоминаетъ кукольный, только въ увеличенномъ размѣрѣ. Постоян-

ныхъ и прочныхъ наружныхъ стѣнъ домъ не имѣетъ, и ихъ обязанности здѣсь исполняютъ вставныя бумажныя или тонкія деревянныя рамы, которыя можно убрать и раздвинуть въ одну минуту; также нѣтъ и внутреннихъ стѣнъ или перегородокъ, и когда нужно устроить нѣсколько внутреннихъ помѣщеній, то пользуются цѣлою системою ширмъ и бумажныхъ перегородокъ, которыми и ограничивается необходимое пространство. Передъ входомъ въ такое жилище устраивается приподнятая площадка, на которой обитатели, прежде чѣмъ вступить во внутренніе покои, оставляютъ свои сандалии и, раздвигая перегородку, замѣняющую, какъ сказано, стѣну, проникаютъ внутрь дома.

Внутри домъ отличается чистотою и обиліемъ свѣта. Полъ устланъ мягкою тканью въ полдюйма толщиною изъ ивовыхъ прутьевъ или рисовой соломы въ видѣ циновокъ, которыя упруги, лоснятся и отличаются отмѣнною чистотою, такъ какъ по нимъ ходятъ только въ чулкахъ и блескъ пола не нарушается обувью. Что касается внутренняго убранства комнаты, то на европейца она должна произвести странное впечатлѣніе своимъ изяществомъ, легкостью и отсутствіемъ всего такого, на чемъ бы можно удобно расположиться и отдохнуть, такъ какъ вы не нашли-бы въ ней не только стульевъ, но и простой скамейки: все убранство ея составляютъ многочисленныя красивыя ширмы, своеобразныя картины, представляющія собою изображенія, инкрустированныя слоновою костью, черепахой и перламутромъ на гладкомъ, блестящемъ фонѣ черной лакированной дощечки, цвѣтныя фонарики, украшающіе стѣны, бронирующіе входъ и свисающіе съ потолка, изящныя этажерки изъ лакированного дерева, ажурныя столы и проч.

Позади дома японцы, которые страстно любятъ природу и зелень, обыкновенно располагаютъ садъ. Если

позволяетъ мѣсто, въ этомъ саду можно найти широколиственные пальмы, клены, стройный, высокій и красивый бамбукъ и множество кустарниковъ; если мѣсто не позволяетъ устраивать большіе сады, то склонный къ кропотливой работѣ японецъ устраиваетъ съ трудолюбіемъ и изобрѣтательностью свой маленькій уголокъ, создавая въ немъ крохотные гротики, воздушные мостики, аллеи, окаймленные странно-согнутыми карликовыми деревьями причудливой формы, крохотныя куртины цвѣтовъ, низенькія каменные скамьи и столы передъ ними (единственный случай, гдѣ вы увидите въ японской обстановкѣ столъ и скамейку). Какъ домикъ, такъ и садикъ производятъ впечатлѣніе скорѣе игрушки, чѣмъ настоящаго жилища.

Японскій домъ со своими бумажными перегородками остается открытымъ даже и въ зимнее время, при температурѣ въ 3, 4, 5° Р. Когда настаетъ холодное время, японцы теплѣе одѣваются, увеличивая по мѣрѣ наступленія холодовъ число надѣтыхъ на себя халатовъ даже до шести, причеиъ только одинъ изъ нихъ на легкой ватной подкладкѣ. Кроме того, въ холодную погоду обитатели этихъ игрушечныхъ домиковъ грѣются около такъ называемыхъ хибачи (chibatchi), — изящнаго лакированнаго деревяннаго ящика, внутри котораго вставленъ другой, фарфоровый ящикъ, наполненный горячей золой; подъ нею тлѣютъ два-три раскаленныхъ древесныхъ угля. Такая выносливость японцевъ во время холода тѣмъ болѣе поразительна, что они привыкли къ лѣтней жарѣ и имѣютъ обыкновеніе ежедневно утромъ принимать горячія ванны. Каждое утро вся семья собирается передъ ванной и въ строгой очереди входятъ въ ванну: сначала хозяинъ дома, затѣмъ хозяйка, сыновья, дочери и всѣ домочадцы поочередно и сидятъ въ ней не менѣе пяти—десяти минутъ.

Одежда японцевъ немного отличается у мужчинъ и у женщинъ. Первая одежда женщины — „йомоджо“,

небольшой кусокъ матеріи, обернутый одинъ разъ около бедръ. Мусме (японскія дѣвушки) носятъ йомоджо краснаго цвѣта (символь чистоты и непорочности) и снимаютъ его только въ день свадьбы. Сверхъ йомоджо надѣвается „джибанъ“, рубаха, плотно обтягивающая тѣло и открытая спереди, изъ тонкой шелковой матеріи свѣтлаго цвѣта. Затѣмъ одѣвается „киримонъ“ или „кимоно“, родъ халата, не застегивающагося спереди и охватываемаго „оби“, очень широкимъ поясомъ яркаго цвѣта. У мужчинъ „оби“ представляетъ простой шарфъ, но у женщинъ это самая существенная часть туалета, на которую японка болѣе всего обращаетъ вниманія и которая играетъ у нихъ ту же роль, что драгоценныя вещи у нашихъ женщинъ. Цѣнность этого пояса довольно высока (до нѣсколькихъ сотъ рублей) и обыкновенно превышаетъ стоимость остальной костюмъ.

При встрѣчѣ японскихъ мусме первый взглядъ, быстрый и проникательный, бросается на оби, и чѣмъ дороже онъ, чѣмъ красивѣе и лучше завязанъ, тѣмъ больше въ окружающихъ зависти возбуждаетъ его носительница. Складками оби японцы пользуются иногда вмѣсто кармановъ, которыхъ въ японскомъ костюмѣ не дѣлается; но въ особенности послѣднюю роль исполняютъ широкіе и глубокіе рукава ихъ киримоновъ: туда складывается весь ихъ ежедневный багажъ, состоящій изъ пачки мягкой бумаги, которую японцы употребляютъ вмѣсто носовыхъ платковъ, денегъ, вѣера, коротенькихъ трубочекъ, съ чашечками величиною съ нашъ наперстокъ (съ которыми никогда не расстаются японцы или японка, такъ какъ курятъ тамъ всѣ, даже дѣти), коробочекъ съ пудрой и карандаша для бровей, который постоянно имѣется у каждой японской мусме, когда она выходитъ на улицу.

Дома японцы ходятъ, какъ сказано, безъ обуви, чтобы не запачкать чистыхъ циновокъ, выстилающихъ

полъ, и на ногахъ ихъ одѣты только бумажные или шелковые короткіе носки съ отдѣленіемъ большого пальца и съ крѣпкой подошвой изъ толстой шерстяной матеріи. На улицу японцы надѣваютъ „гета“, тяжелыя деревянныя сандалии въ дюймъ толщиною, которыя прикрѣпляютъ къ ногѣ кожаными ремнями. Благодаря этой обуви, которую носятъ всѣ, мужчины, женщины и дѣти,—ходить всегда приходится наклоняясь впередъ всѣмъ корпусомъ, такъ какъ иначе было бы трудно держать на одномъ пальцѣ ноги довольно тяжелыя геты.

Туалетъ женщинъ усложняется еще ихъ замысловатой прической, представляющей довольно высокое, сложное и запутанное сооруженіе, настолько сложное, что даже японки высшаго класса причесываются не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Для созиданія такой прически приглашается особая специалистка-парикмахерша. Волосы раздѣляются на пятнадцать или двадцать прядей, каждая изъ нихъ смазывается камелиевымъ масломъ, что придаетъ имъ блескъ и глянецъ, и при помощи накладокъ, шпилекъ и гребней получается достаточно прочная, чтобы держаться нѣсколько дней, прическа. Чтобы сохранить эту прическу, японки, когда спятъ, кладутъ голову не на подушку, а на небольшія деревянныя колодки съ вырѣзомъ, въ который укладывается шея.

Утренній завтракъ японцевъ почти у всѣхъ и вездѣ одинаковъ и состоитъ изъ дымящагося варенаго рису и чая. За обѣдомъ сначала подаются на лакированномъ табуретѣ (деревянномъ или изъ папье-маше) чашки, наполненныя супомъ и вареной рыбой. Супъ пьютъ прямо изъ чашекъ, а рыбу ѣдятъ двумя лакированными палочками цилиндрической формы вмѣсто ножей и вилокъ, которыхъ японцы не употребляютъ. Японцы очень ловко пользуются своими палочками, но для европейца искусство владѣть ими дается до-

вольно трудно. Послѣ супу подается до пятнадцати блюдъ въ небольшихъ порціяхъ, какъ-то: дичь, морская капуста, джинъ-жанъ, трепанча,—одно изъ любимыхъ блюдъ китайцевъ и японцевъ, представляющее червей толщиною въ полъ дюйма,—еще нѣсколько суповъ и въ заключеніе неизбѣжное „кери“, которое представляетъ рисовую кашу, облитую соей и прибавкою тонкихъ ломтиковъ мяса. Соя готовится изъ пшеницы, бобовъ, поваренной соли и воды, и въ полузакрой кадкѣ вся эта смѣсь бродитъ отъ 1½ до 5 лѣтъ. У японцевъ даже существуетъ поговорка: соя тѣмъ лучше, чѣмъ больше въ ней утонетъ крысъ, пока она готовится. Къ десерту подаютъ фрукты, душистый чай въ великолѣпныхъ фарфоровыхъ чашкахъ величиною съ наперстокъ и наконецъ японскій табакъ. Мужчины остаются еще пить японскую рисовую водку „саке“, которую подаютъ въ изящныхъ фарфоровыхъ сосудахъ. Саке, представляющее крѣпкій напитокъ въ родѣ нашей водки, очень распространенъ въ Японіи, гдѣ однако на улицѣ трудно увидѣть пьяныхъ, такъ какъ по мнѣнію японцевъ всякій, кого увидѣли бы пьянымъ на улицѣ, опозорилъ бы себя на всю жизнь.

Японцы предполагаютъ, что вслѣдствіе желанія отвлечь вниманіе ихъ отъ употребленія саке явилось стремленіе ввести во всеобщее употребленіе чай и была установлена такъ называемая „чайная церемонія“, которая представляетъ цѣлую науку, обязательную для каждой японской дѣвушки. Безъ знанія „ча-лой-ю“ образованіе японской мусме не полно, и она подвергается насмѣшкамъ всѣхъ своихъ сосѣдокъ и легко можетъ остаться старой дѣвой. Эта чайная церемонія состоитъ въ томъ, чтобы въ извѣстномъ порядкѣ принимать извѣстныя позы, извѣстнымъ образомъ истереть въ порошокъ чайный листъ, заварить, взбить до пѣны бамбуковыми палочками, налить въ

чашки, подать гостю, поднести ко рту, прикоснуться къ чайнику и т. д.

Послѣ обѣда всѣ предаются отдыху, спать, пьютъ чай, курятъ трубки. Это самые тихіе часы въ жизни японскаго города въ теченіе дня. Молодые дѣвушки приходятъ другъ къ другу въ гости, и на вашихъ глазахъ продѣлываются всѣ церемонныя японскіе поклоны: опускаются другъ передъ другомъ на колѣни и, опершись на руки, касаются лбомъ пола. Вообще церемоніи въ сношеніяхъ между собою японцевъ чрезвычайно и на европейца производятъ странное впечатлѣніе. Являясь въ домъ, гости входятъ съ мнимою и притворною неувѣренностью, низко кланяясь и прижимая руки къ колѣнямъ, если это мужчины, или падая на колѣни и касаясь лбомъ земли, если это женщины. Церемоніаль поклоновъ довольно сложенъ, и со стороны вся эта сцена привѣтствій получаетъ крайне смѣхотворный и забавный видъ. Хозяева, видимо тронутые вниманіемъ гостей, встрѣчаютъ ихъ очень вычурнымъ привѣтствіемъ.

— Благодаримъ васъ за то огромное удовольствіе, которое доставила намъ послѣдняя встрѣча съ вами,—говорятъ они, обращаясь къ гостямъ.

Гость не остается въ долгу и старается быть еще вѣжливѣе.

— Прошу вашего извиненія за мою грубость, невоспитанность и не деликатность, которой я васъ, вѣроятно, тогда обидѣлъ,—возражаетъ онъ имъ, не переставая униженно кланяться до самаго пояса.

— Какъ можете вы говорить это, когда я, а не вы, виноватъ въ томъ, что не оказалъ вамъ должнаго почтенія?—съ живостью прерываетъ его хозяинъ.

— Что вы?—возражаетъ хозяину гость:—вы дали мнѣ урокъ хорошихъ манеръ!

— Но какъ могли вы снизойти до того, чтобы удостоить своимъ посѣщеніемъ мою убогую лачугу?—не

перестаетъ ломаться хозяинъ, выражая при этомъ крайнее удивленіе.

— Напротивъ, я никогда не перестану удивляться вашей добротѣ и снисходительности, позволившей вамъ принять въ такомъ почтенномъ домѣ, какъ вашъ, такую ничтожную личность, какъ я,—возражаетъ гость, какъ будто не на шутку удивляясь невѣроятной снисходительности хозяина.

На этомъ почти всегда прекращается обычный церемоніаль привѣстій. Подобныя церемоніи происходятъ и при встрѣчѣ на улицѣ. Такой вѣжливости японцы учатся на практикѣ съ самаго дѣтства. Имъ показываютъ воочію, что сыновнее и дочернее послушаніе и кротость радостны и пріятны; какъ избѣгать передъ родителями и иностранцами выраженія душевныхъ движеній, способныхъ ихъ огорчить или омрачить,—они видятъ на примѣрахъ. Отецъ ребенка никогда не унизитъ своего отцовскаго престижа грубою рѣзкостью и несправедливостью; мать передъ своимъ мужемъ сохраняетъ видъ всегда довольный и по отношенію ко всѣмъ домашнимъ соблюдаетъ всѣ правила вѣжливости. Вслѣдствіе подобнаго воспитанія искусственность становится второю натурою японца, и всегда въ обществѣ онъ сумѣетъ владѣть собою, даже когда сильно страдаетъ или оскорбленъ, и не нарушитъ выраженіемъ своихъ чувствъ удовольствія другихъ людей. Японскіе родители всегда чрезвычайно заботливы и нѣжны къ своимъ дѣтямъ, что составляетъ одну изъ особенностей японцевъ.

Грамотность у японцевъ сильно развита, такъ что даже джинрикши, — эти люди, исполняющіе обязанности упряжныхъ животныхъ, — поражаютъ иностранца знаніемъ недоступныхъ для него тайнъ мудреной, запутанной и недоступной для него японской „кана“. Кана—это японская азбука, совершенно однако не соотвѣтствующая нашему понятію объ азбукѣ: такъ,

въ японскомъ языкѣ буквѣ нѣтъ вовсе, кана же состоитъ изъ сорока семи словъ, которые и заучиваются первоначально наизусть; но такъ какъ слоговъ въ языкѣ не сорокъ семь, а, конечно, гораздо больше, то на помощь канѣ приходятъ различныя интонаціи и ударенія при произнесеніи слоговъ, которыя иностранцу очень трудно усвоить, благодаря чему японская грамота намъ трудно доступна. Но все-же кана есть значительное усовершенствованіе китайскихъ іероглифовъ, изученіе которыхъ усложняется еще при всей своей массѣ тѣмъ, что разныя слова изображаются однимъ іероглифомъ и только произносятся различно.

Современному образованію въ Японіи положилъ начало и оказалъ содѣйствіе микадо Мутсу-Хито, который съ самаго вступленія на престолъ поставилъ своею задачею достигнуть всеобщаго образованія. Образованіе японцы получаютъ въ „дѣтскихъ садахъ“, элементарныхъ школахъ, среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетѣ. Самое низшее образованіе получается въ дѣтскихъ садахъ для дѣтей отъ 3 до 6 лѣтъ. Въ этихъ школахъ должны воспитываться всѣ безъ исключенія японскія дѣти до поступленія въ обязательныя элементарныя школы, въ силу указа правительства. Въ элементарныхъ школахъ низшаго разряда, которыя японскія дѣти должны обязательно посѣщать ежегодно въ теченіе 32-хъ недѣль въ возрастѣ 6—10 лѣтъ, преподаются основныя понятія о нравственности, чтеніе, письмо, ариметика, гимнастика, а въ нѣкоторыхъ также руководѣліе и пѣніе; въ элементарныхъ школахъ высшаго разряда обученіе предоставлено желанію населенія, и для дѣтей необязательно. Вся страна раздѣлена на округа. Главною и непремѣнною обязанностью каждаго округа является хорошая организація элементарныхъ школъ. Такихъ школъ въ Японіи 30.000, т. е. одна школа на 1.300 человекъ населенія. Содержатся онѣ на счетъ

спеціального „школьнаго фонда“, причемъ, если окажутся недочеты, то они покрываются мѣстными налогами. Тамъ, гдѣ населеніе бѣдное, или въ отдаленіи отъ главныхъ городовъ, устраиваются школы съ сокращеннымъ курсомъ.

Среднеучебныя заведенія также дѣлятся на обыкновенныя и высшія. По своей программѣ эти школы соотвѣтствуютъ нашимъ реальнымъ училищамъ, и воспитанники готовятся въ нихъ или непосредственно для практической дѣятельности, или въ высшія учебныя заведенія. Такихъ школъ 132, въ томъ числѣ 9 высшихъ женскихъ. Содержатся онѣ или изъ своихъ собственныхъ фондовъ или, обыкновенно, по недостаточности ихъ на средства мѣстнаго населенія, которое обложено для этого спеціальными налогами. Заведенія эти находятся подъ контролемъ мѣстнаго населенія и неусыпнымъ наблюденіемъ окружныхъ властей.

Въ „высшихъ среднихъ школахъ“ проходится медицина, юридическія науки, литература и инженерное искусство. Университетъ въ Японіи пока одинъ; устроенъ онъ по германскому образцу и дѣлится на пять факультетовъ: юридическій, литературный (соотвѣтствующій нашему историко-филологическому), медицинскій, инженерный и естественный. При поступленіи въ университетъ нужно выдержать соотвѣтствующій экзаменъ, кромѣ диплома одной изъ высшихъ среднеучебныхъ школъ. Курсъ четырехлѣтній для медицинскаго факультета и трехлѣтній для остальныхъ. Для поступленія въ университетъ нужно особое поручительство за студента двухъ солидныхъ лицъ, принимающихъ за него предъ начальствомъ полную отвѣтственность во всѣхъ случаяхъ. Всѣ студенты обязаны жить въ общежитіяхъ при университетѣ или въ одобренныхъ университетскимъ начальствомъ пансіонахъ. Оставаться внѣ ихъ предѣловъ они

могутъ лишь не позже 7 или 10 часовъ вечера на-
канунѣ праздничныхъ дней. Они должны быть по-
стоянно въ установленной формѣ, и ношеніе статскаго
платья имъ безусловно воспрещается. Университетскія
ворота запираются въ 11 ч. вечера, и студенты, не
оказавшіеся къ этому времени въ общежитіи, обязаны
къ 10 ч. утра слѣдующаго дня представить объясни-
тельную записку одного изъ поручителей.

Для приготовленія учителей и учительницъ слу-
жать „нормальныя“ школы высшія и обыкновенныя:
высшія готовятъ учителей для среднеучебныхъ
заведеній, а обыкновенныя—для низшихъ.

Ученики въ школахъ располагаются на полу ров-
ными рядами около низенькихъ конторокъ, снабжен-
ныхъ всѣми необходимыми письменными принадлеж-
ностями, т. е. приборомъ для разведенія туши, кист-
точкой, пачками мягкой японской бумаги, линейками
и книгами. Учитель прослѣдуетъ задачу возбудить
въ ученикахъ интересъ къ ученью и поставить себя
въ такія отношенія съ ними, чтобы они не стѣсняясь и
открыто обращались къ нему за всякимъ разъясне-
ніемъ. Въ повиновеніи удерживаетъ ребятъ ихъ ува-
женіе къ старшему, обидѣть котораго считается боль-
шимъ грѣхомъ, и достаточно учителю только заявить
о своемъ неудовольствіи, чтобы совершенно сконфу-
зить ученика. Свободно держать себя дѣти не только
въ школѣ, но и вообще вездѣ. Часто можно встрѣ-
тить группу дѣтей на улицахъ. На ихъ полубритыхъ
(у дѣтей обыкновенно бреется голова и только „для
красы“ оставляется нѣсколько пучковъ), блестящихъ
и гладкихъ головкахъ съ тремя неизбѣжными хохол-
ками на темени солнце играетъ, какъ въ зеркалѣ,
отражая свои лучи. Тутъ же, на улицѣ, устраиваютъ
они свои игры, особенно оживляя ихъ своимъ звон-
кимъ говоромъ, играми и веселымъ смѣхомъ. Но среди
всего этого дѣтскаго шума вы не услышите плача.

все тихо и чинно, будто среди взрослых людей. Всѣми посѣтителами Японіи замѣчено, что японскія дѣти, начиная съ трехлѣтняго возраста, очень рѣдко плачутъ: обиженный или огорченный малышъ надуется, покраснѣетъ, чуть видныя слезы набѣгутъ у него на глаза, и онъ скажетъ какую-нибудь вѣжливую колкость, но не станетъ ругаться. Такая выдержка характера, такое самообладаніе у дѣтей достойно удивленія. Въ этомъ сказывается вліяніе родителей. Выраженію своего горя японцу мѣшаетъ основная черта его характера—стремленіе быть постоянно веселымъ самому и веселыми видѣть другихъ.

Посмотрите, что дѣлается у нихъ во время праздниковъ: дѣти, взрослые—серьезные и дѣловитые обыкновенно люди—безъ различія пола и возраста, даже старики, смѣшиваются въ одну толпу, раздѣляются на группы, составляя различныя процессіи, неся въ рукахъ различные фонарики, флажки, цвѣты. Послѣдніе заслуживаютъ особеннаго вниманія японцевъ. Въ честь цвѣтовъ устраиваются самые веселые праздники, которые проводятся въ торжественныхъ процессіяхъ людей всѣхъ возрастовъ. Всѣ эти дни японцы не сидятъ дома: они гуляютъ по улицамъ, посѣщаютъ храмы, ходятъ другъ къ другу въ гости и выпиваютъ огромное количество „саке“. Тѣмъ не менѣе, какъ уже было сказано, пьяныхъ на улицахъ вы здѣсь не увидите: какъ бы сильно ни выпилъ японецъ, онъ твердо помнитъ, что появиться на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ считается верхомъ безстыдства и что это кладетъ на него пятно неизгладимаго позора.

Другая особенность, которая не можетъ не броситься въ глаза,—это образцовый порядокъ и спокойствіе на улицахъ несмотря на почти полное отсутствіе полиціи во время празднествъ. Ни шума, ни драки. Между тѣмъ большинство снующихъ по улицамъ людей принадлежитъ къ подонкамъ общества. Но какіе это вѣж-

ливые, благовоспитанные люди! Столкнулись, напримеръ, два ремесленника (выше уже было сказано о церемоніяхъ японцевъ при встрѣчѣ): минутъ пять они топчутся другъ противъ друга, хлопая себя ладонями по колѣнкамъ, присѣдая, пришепечывая, отвѣщая глубокіе поклоны, обмѣниваясь самыми церемонными любезностями.

Ритуаль привѣтствій конченъ, и заводится дѣловая бесѣда: о политикѣ, о послѣднемъ засѣданіи парламента въ Токио, о событіяхъ въ Китаѣ и Корей и, наконецъ, о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ.

Самыя интересныя празднества происходятъ въ Нагасаки (они называются здѣсь „бонъ-матсура“) въ честь самаго любимаго и популярнаго бога „Сува“ („Великій охотникъ“), патрона города Нагасаки. Въ день праздника городъ принимаетъ необычно-торжественный видъ. Разодѣтыя въ лучшія платья толпы народа, безъ различія пола и возраста, съ самаго ранняго утра толпятся на улицахъ, площадяхъ, перекресткахъ и особенно у многочисленныхъ храмовъ, разукрашенныхъ цвѣтными фонариками, флагами, знаменами, транспорантами и т. п. Всѣ хоть на минуту являются въ храмъ, чтобы принести жертву чтимому „ками“: рисовую лепешку, фрукты, печенья и даже „саке“. Изображеніе „Ками“ выносится затѣмъ изъ храма въ изящной переносной кумирнѣ, называемой „даши“, или божественной, праздничной колесницѣ. За „ками“ вереницею тянутся жрецы и бонзы, одѣтые во все бѣлое, несомые въ „коримоно“ (носилкахъ или паланкинѣ) дюжими японцами. У ближайшей площади процессія, сопровождаемая всѣмъ населеніемъ города, останавливается, и здѣсь на особо устроенныхъ подмосткахъ помѣщается идолъ для всенароднаго ему поклоненія. Этимъ, строго говоря, и заканчивается религіозная часть празднества. Затѣмъ начинается уже свѣтская часть его, которую вѣрнѣе и

правильнѣе можно назвать театральнымъ торжествомъ. Теперь на сценѣ даются безчисленные и разнообразныя увеселительныя зрѣлища, устраиваемыя на счетъ жителей разныхъ улицъ города поочередно. Сюжетомъ представляемыхъ на улицѣ пьесъ являются большею частью событія изъ жизни боговъ и легендарныхъ героевъ. Случается, что содержаніе исполняемыхъ пьесъ оказывается слишкомъ печальнымъ, серьезнымъ и трогательнымъ; тогда на подмостки неожиданно вскакиваетъ фигляръ, комедіантъ или клоунъ и своими нехитрыми, но смѣшными выходками безъ особаго труда развеселяетъ публику. Появленіе этихъ фигляровъ имѣетъ свое значеніе. Японцы объясняютъ это такъ: „ками“ имѣютъ мало удовольствія, когда видятъ людей недовольными; они существа всевѣдущія и вездѣсущія и сами знаютъ, что намъ нужно и чего намъ недостаетъ. Если мы будемъ надоѣдать имъ своими нуждами и горестями, то это только огорчить ихъ, ибо они могутъ видѣть въ этомъ какъ бы недовѣріе къ ихъ заботливости о нашемъ благѣ и счастіи. Отсюда прямой выводъ: „чтобы сдѣлать богамъ пріятное и вызвать ихъ расположеніе, лучше веселиться, чѣмъ плакать“. Оттого-то значительная часть религіозныхъ празднествъ японцевъ носить увеселительно-театральный характеръ. Эти же взгляды легли въ основу „матсуръ“; этимъ же между прочимъ объясняется и то вѣчно-жизнерадостное настроеніе, которымъ отличаются японцы во всѣхъ случаяхъ своей жизни.

Всѣ эти торжества въ высшей степени любопытны и характерны и напоминаютъ до нѣкоторой степени итальянскіе карнавалы, нѣмецкіе факельцуги, но носятъ на себѣ какой-то особенный, чисто японскій колоритъ. Все время, пока тянется свѣтская часть праздника (обыкновенно отъ 3 до 4 дней), вся торговая, промышленная, трудовая, будничная жизнь замираетъ и прекращается, и все населеніе предается самому

искреннему и неподдѣльному веселію. Дома украшаются коврами, драпировками, флагами, навѣсами, подъ которыми пьютъ, ѣдятъ и забавляются музыкой съ утра до вечера; и такъ тянется все время изо дня въ день до послѣдняго дня праздника включительно.

За мѣсяць до „матсури“ въ Нагасакахъ чествуется память усопшихъ, особенно умершихъ только за годъ до этого, могилы которыхъ три ночи подрядъ освѣщаются яркими разноцвѣтными фонариками; на кладбищахъ устраиваются фейерверки; всю ночь стоитъ шумъ, и веселье, сопровождаемое обильными возліяніями въ честь усопшихъ, не прекращается всю ночь. Окружающіе нагасакскій рейдъ высоты и холмы, на которыхъ обыкновенно устраиваются японскія кладбища, имѣютъ фантастическій и красивый видъ, освѣщенные розоватымъ пламенемъ огней и вспыхивающими то здѣсь, то тамъ ракетами. Въ концѣ празднествъ фонарики снимаются съ надгробныхъ плитъ и несутся съ горы внизъ, къ рейду, гдѣ ставятся на маленькія, сплетенныя изъ соломы лодочки съ положенными въ нихъ фруктами и мелкими деньгами. Черезъ нѣкоторое время рейдъ покрывается этими плывущими суденышками и принимаетъ какой-то фантастическій видъ красиваго и оригинальнаго костра. Скоро суда загораются отъ своихъ фонариковъ и тонутъ. Обрядъ этотъ обозначаетъ, что присутствовавшіе на праздникѣ въ теченіе послѣднихъ дней души умершихъ возвращаются обратно, направляясь въ открытое море въ свой далекій путь.

Часто японцы не хоронятъ своихъ умершихъ на кладбищѣ, а сжигаютъ ихъ тѣла въ особыхъ печахъ. Сначала гробъ покойника ставятъ въ переднюю часть печи, и, пока онъ тамъ стоитъ, жрецы читаютъ установленныя молитвы, а родственники жгутъ благовонныя травы. Затѣмъ гробъ задвигается внутрь печи, желѣзныя двери ея запираются, всѣ щели замазываются

ются, и ключъ отдается ближайшимъ родственникамъ. Когда процессъ сожиганія окончится и остаются только пепелъ, зубы и кости, то послѣднія передаются въ особое помѣщеніе, куда и являются за ними родные умершаго. Останки хранятся или дома въ урнѣ, какъ святыня, или чаще оставляются только зубы, которые остаются дома или въ храмѣ, а остальные кости погребаются на кладбищѣ. Въ случаѣ, если покойника хоронятъ на кладбищѣ, его заключаютъ въ небольшой гробъ въ родѣ небольшихъ носилокъ, гдѣ онъ находится въ сидячемъ положеніи, облаченный въ бѣлое одѣяніе. Впереди процессіи выступаютъ бонзы. За ними слѣдуютъ ряды людей, несущихъ въ рукахъ зонтики, фонари, изображенія Будды, священныя хоругви съ изреченіями и молитвами и цвѣты, преимущественно лотосъ (эмблема чистоты и невинности). Надъ гробомъ несутъ балдахинъ и вѣнокъ. Сзади слѣдуютъ провожающіе въ бѣлыхъ одѣяніяхъ (признакъ траура въ Японіи). Если тѣло предается землѣ, то гробъ наполняется известью и пахучими веществами и опускается въ глубокую могилу, на которой по истеченіи установленнаго срока ставится памятникъ съ надписью или изображеніе Будды. До истеченія этого срока (не менѣе 7 недѣль, иногда и до года) родственники умершаго считаются нечистыми, и съ ними прерываются на это время сношенія, такъ какъ если бы кто вошелъ въ ихъ домъ и прикоснулся къ нимъ, онъ самъ становится нечистымъ. По истеченіи срока родственники и знакомые приглашаются на пирь, послѣ котораго трауръ снимается, а надъ умершимъ ставится памятникъ.

Обратимся теперь къ другому важному факту жизни — браку — и посмотримъ, какъ совершается онъ у японцевъ. Большое значеніе имѣетъ въ этомъ событіи свать, который пользуется большимъ почетомъ и обязанности котораго исполняетъ обыкновенно старикъ, уже не способный какимъ-нибудь другимъ обычнымъ трудомъ до-

бывать себѣ пропитаніе. Дѣятельность японскихъ сватовъ довольно разнообразна. Они знакомятъ молодыхъ людей другъ съ другомъ, доставляютъ заинтересованнымъ семьямъ различныя свѣдѣнія о молодыхъ людяхъ, на которыхъ падаетъ ихъ выборъ, и наконецъ принимаютъ дѣятельное участіе въ устройствѣ формальныхъ смотринъ жениха и невѣсты, послѣ чего, если обѣ стороны довольны другъ другомъ, происходитъ обмѣнъ подарками, что служитъ официальнымъ доказательствомъ обрученія.

Бракъ въ Японіи—институтъ гражданскій: религія не играетъ тутъ большой роли.

Обыкновенный возрастъ жениха 15 лѣтъ, а невѣсты 13. Такіе ранніе браки несомнѣнно отражаются на всей послѣдующей жизни японцевъ, и нѣкоторые наблюдатели этимъ пробуютъ объяснить малый ростъ японцевъ и быстрое ихъ увяданіе: въ 35—40 лѣтъ японецъ и особенно японка кажутся уже совсѣмъ стариками, въ 50 — 60 лѣтъ ихъ не отличить отъ нашихъ столѣтнихъ старцевъ.

Вслѣдствіе раннихъ браковъ, неопытности, незнанія другъ друга, когда молодые супруги превращаются въ людей взрослыхъ, часто является взаимное разочарованіе, и отъ того-то нигдѣ, какъ здѣсь, не прибѣгаютъ такъ часто къ разводу. Въ среднемъ на каждые 20 браковъ приходится въ годъ 7 случаевъ развода. Особенно часты разводы въ низшихъ слояхъ населенія, гдѣ этому не мѣшаетъ боязнь общественнаго мнѣнія и въ особенности мнѣнія иностранцевъ, съ которыми приходится считаться людямъ, занимающимъ болѣе высокое положеніе.

Обыкновенно японецъ беретъ себѣ жену сначала на испытаніе: первые три мѣсяца брака считаются пробными мѣсяцами, и если мужъ недоволенъ, онъ можетъ отослать жену въ домъ ея родителей, что, конечно, разсматривается, какъ позоръ.

При выборѣ невѣсты для своего сына родители руководствуются обыкновенно требованіями, съ ко-рыстью ничего общаго не имѣющими: характеръ, воспитанность, красота, здоровье и происхождение изъ почетной семьи — вотъ требованія, предъявляемые при выборѣ супруги; богатство — дѣло второстепенное, а приданое — установленіе, японцамъ почти вовсе незнакомое, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о дѣвушкѣ, уродливой физически или душевно-больной.

Самая церемонія брака происходитъ обыкновенно такъ: женихъ, разодѣтый въ свои лучшія платья, садится на почетномъ мѣстѣ въ своемъ домѣ, ожидая прибытія невѣсты. Ее несутъ въ „коримоно“, за которымъ слѣдуютъ свать и его жена, какъ выше уже сказано, одни изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой церемоніи, и подружки невѣсты; родственники и гости дожидаются у входа въ домъ. Невѣста одѣта вся въ бѣлое, и даже на головѣ у нея накинута кусокъ бѣлой матеріи въ родѣ нашей фаты. Этотъ бѣлый нарядъ обозначаетъ трауръ по дѣвичествовѣ, а также то, что она съ этого момента умираетъ для своей семьи, почему въ день вѣнчанія въ домѣ ея родителей горитъ такой же костеръ, какъ въ дни, когда въ домѣ покойникъ.

Прибывъ въ домъ жениха, невѣста садится противъ него, а между ними усаживается свать и его жена. Послѣдняя наливаетъ три миниатюрныхъ чашечки „саке“ и даетъ ихъ выпить сначала свату, потомъ жениху и невѣстѣ. При этомъ произносятся тосты, поддерживаемые всѣми присутствующими. Такимъ образомъ повторяютъ 3 раза, отчего и церемонія называется „санъ-санъ-ку-до“ ($3 \times 3 = 9$). Послѣ этого начинается пиршество. Жена скидываетъ свою вуаль и переодевается въ праздничный киримонъ. На другой день она должна сбрить или выщипать себѣ брови и почернить зубы въ знакъ того, что отнынѣ она уже

никому не желаетъ правиться, кромѣ мужа, и ничѣмъ не должна интересоваться, кромѣ семейнаго очага.

Браки съ иностранцемъ, какъ и вообще браки, въ Японіи заключаются легко и просто. Какъ уже сказано, японскій бракъ мало заключаетъ въ себѣ религіознаго элемента и носить характеръ чисто-гражданской сдѣлки, освѣщаемой религіей только при желаніи сторонъ, участвующихъ въ бракѣ съ туземкой.

Угостивъ многочисленныхъ родственниковъ своей невѣсты, женихъ отправляется съ нею въ полицію, гдѣ по снятіи надлежащаго допроса съ обѣихъ сторонъ составляется протоколъ о свадьбѣ за подписью новобрачныхъ, каждый изъ которыхъ получаетъ по одному его экземпляру, гдѣ заключаются всѣ подробности этого брачнаго соглашенія. Много такихъ смѣшанныхъ браковъ заключается иностранными и нашими моряками.

Возлѣ Нагасака, гавани, наиболѣе посѣщаемой русскими моряками, гдѣ даже русскій языкъ получилъ право гражданства и гдѣ почти всѣ жители могутъ на немъ, хотя кое-какъ, объясняться, существуетъ даже русско-японская деревушка Иноса. Она расположена почти у подножія высокихъ горъ, окружающихъ нагасацкую бухту. Отсюда прекрасный видъ на городъ Нагасаки, утопающій въ зелени, и на рейдъ, покрытый снующими взадъ и впередъ шкунами, джонками, сампанами и европейской конструкціи пароходами. Этотъ поселокъ въ общемъ напоминаетъ обыкновенную японскую деревушку съ небольшими домиками. Но среди этой японской обстановки кое-что напоминаетъ здѣсь и о Россіи: попадаются надписи: „Кронштадтъ“, „Плевна“ надъ русскими трактирами, встрѣчаются русскіе матросы, одѣтые иногда въ русское платье, иногда въ японскіе кимонны. Они выдѣляются среди малорослыхъ и тщедушныхъ японцевъ своею могучею фигурою.

Всего интереснѣе встрѣчать дѣтей, происшедшихъ

отъ смѣшанныхъ браковъ. Туземное японское население относится къ нимъ добродушно и терпимо, не смотря на то, что большинство этихъ представителей монгольско-кавказской расы, болтающихъ на какомъ-то смѣшанномъ англо-русско-японскомъ нарѣчьи, обращены усиліями нашей православной миссіи въ христіанство. Въ городѣ Нагасакахъ часто приходится останавливаться нашимъ офицерамъ, и часто русскіе проводятъ здѣсь зиму, когда наши суда останавливаются въ этой гавани на зимовку. Къ мужьямъ иногда пріѣзжаютъ изъ Владивостока ихъ жены. Въ послѣднемъ случаѣ большую услугу оказываютъ, и прямо незамѣнимы, такъ называемые рикши или дженрикши.

Это люди, исполняющіе обязанности лошадей, которыхъ въ Японіи мало. Благодаря этому издавна существуетъ обычай кататься на людяхъ. Прежде здѣсь ѣздили въ коримоно (носилкахъ), которыя теперь рѣдко употребляются и замѣнены легкою двухколесною рессорною колясочкой, въ которую и впрягается рикша, или курума, какъ онъ иначе называется. Одѣты рикши очень легко. Съ мускулистыми, крѣпкими, бронзовыми тѣлами стоятъ они возлѣ своихъ повозочекъ и вѣжливо, въ самой утонченной формѣ предлагаютъ вамъ свои услуги, какъ только вы выйдете на улицу. Слово „о“ (уважаемый) такъ и пестритъ въ ихъ фразахъ. На спинѣ ихъ темнаго цвѣта куртки бѣлыми іероглифами написанъ нумеръ, подѣ которымъ они числятся въ полиціи и по которому ихъ могутъ легко отыскать. Впрочемъ, рикши славятся своею честностью, которая вошла въ поговорку. Такса, по которой они возятъ, невелика: за полъ-іена (іень приблизительно нашъ рубль) можно нанять рикшу на полсутокъ, а за 10—12 іень на цѣлый мѣсяцъ. Едва ли можно гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ отыскать такихъ скороходовъ, *пробѣгающихъ до 10 верстъ въ часъ*. Въ случаѣ трудности везти, напримѣръ на горѣ сзади подталкиваетъ ко-

ляску другой рикша; иногда онъ припрягается къ первому.

Этимъ еще не исчерпываются все достоинства рикши. Иностранцу, желающему осмотрѣть городъ, онъ, не щадя ни коляски, ни ногъ, ни легкихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, постоянно лопоча на своемъ нарѣчьи, покажетъ все достопримѣчательности, которыя онъ обыкновенно до тонкости знаетъ. Особенно незамѣнимымъ рикша является, какъ уже сказано, для переселившихся на время въ Японію иностранцевъ, такъ какъ онъ служитъ имъ, кромѣ возницы, еще домашней прислугой. Пользующіеся для этой цѣли имъ иностранцы не могутъ нахвалиться. Вставая рано, рикша, пока спятъ его хозяева, сбѣгаетъ со свойственной ему проворностью на рынокъ, закупить провизію, заранее заказанную, привезетъ ее на своей телѣжкѣ домой, затопитъ плиту, вымоетъ и вычиститъ посуду. Затѣмъ онъ отвезетъ хозяина на службу или по дѣламъ и, возвратясь, въ то время какъ хозяйка готовитъ обѣдъ, замѣнитъ няньку для дѣтей, возя ихъ гулять и занимаясь съ ними съ живостью и веселостью, какъ будто самъ преображаясь въ ребенка. Наконецъ онъ отправляется за хозяиномъ, привозитъ его домой и вечеромъ везетъ своихъ господъ по городу или въ театръ.

Японцы—страшные любители театра, и представленіе въ театрѣ идетъ съ утра до поздняго вечера. Театровъ въ Японіи очень много, болѣе, чѣмъ въ какой другой странѣ. Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ Японіи есть по крайней мѣрѣ одна специальная театральная улица. Къ театрамъ примыкаютъ обыкновенно чайные домики съ полузакрытыми балкончиками и галлереями, украшенными фонариками. Кромѣ того, тутъ много всякихъ балагановъ, въ которыхъ показываютъ всевозможные фокусы. Очень часто на сценѣ театра показывается „харакири“, т. е. самоубійство посредствомъ распарыванія живота. Су-

ществуетъ этотъ обычай въ Японіи очень давно и только въ послѣднее время сталъ выходить изъ употребленія. Въ прежнее время когда умиралъ господинъ, слуги закапывались по горло въ землю вокругъ его могилы и такимъ образомъ слѣдовали за своимъ хозяиномъ. Потомъ этотъ варварскій обычай былъ отмѣненъ, и взамѣнъ живыхъ людей стали хоронить глиняныя изображенія. Впослѣдствіи вошелъ вмѣсто этого обряда обычай совершать харакири. Особенно часто харакири совершалось по приказанію высшихъ властей и какъ добровольная месть. Послѣдній обычай лишь очень недавно былъ формально запрещенъ. Когда какому-нибудь японцу была нанесена обида или задѣто его самолюбіе, которое у японцевъ очень велико, и онъ не могъ смыть его кровью обидѣвшаго, то чтобы не остаться опозореннымъ на всю жизнь, принужденъ былъ совершать харакири.

Задумавъ прибѣгнуть къ самоубійству, японецъ созывалъ своихъ друзей и знакомыхъ, одѣвался въ бѣлую траурную одежду и, завѣщая отомстить свою обиду, вспарывалъ себѣ животъ, послѣ чего ближайшій другъ его отсѣкалъ ему голову, чтобы избавить отъ излишнихъ мученій. Какое большое употребленіе имѣлъ этотъ обычай, можно судить по тому, что даже въ школахъ учили, какъ лучше распарывать себѣ животъ. Теперь этотъ обычай, какъ сказано, уже сталъ выходить изъ употребленія, и только въ театрахъ безъ него рѣдко обходится какая-либо драматическая пьеса.

XV. Распространеніе христіанства въ Японіи.

Замкнутость Японіи до половины XIX вѣка.—Иеромонахъ Николай Касаткинъ.—Открытіе русской миссіи въ Японіи.—Иеромонахъ Ана-толій.—О. Николай въ Токио.—Постройка православнаго храма.—Организація церковной жизни.—Свобода проповѣди.—Гоненія.—Павель Савабе и др. проповѣдники.—Нужды миссіи.—„Братство Николая“.—„Апостолъ Японіи“.

Съ половины XVI столѣтія весьма успѣшно начало было распространяться христіанство въ Японіи, но это

продолжалось недолго. Его проповѣдниками были тогда католическіе монахи разныхъ орденовъ (особенно іезуиты, см. гл. VI), которые не довольствовались распространеніемъ вѣры Христовой, но явились на поприщѣ политическихъ интригъ. Вслѣдствіе сего, какъ это часто бывало съ католическими вѣропроповѣдниками въ различныхъ странахъ и въ разные времена, они были изгнаны изъ Японіи и только добились своимъ поведеніемъ того, что на святую вѣру Христову во всей Японіи легло нареканіе, будто бы она учитъ противленію властямъ, возмущаетъ народъ противъ правительства и открываетъ иностранцамъ путь къ завоеваніямъ въ ихъ странѣ.

Издавши законы противъ христіанства, японское правительство прервало всякія сношенія съ европейцами, и такой порядокъ продолжался до самаго послѣдняго времени, въ продолженіе котораго Японія была совсѣмъ обособлена отъ всѣхъ остальныхъ странъ и жила отдѣльною жизнью. Она почти ничего не получала отъ иностранцевъ, но ничего также и не давала имъ. Рѣдкій примѣръ того, какъ цѣлый многомилліонный народъ можетъ жить самъ собою, и народъ не дикій и не грубый, но весьма развитой и образованный. Начиная отъ насущнаго хлѣба и кончая уточеннѣйшими произведеніями ремеслъ и искусствъ, японцы въ теченіе вѣковъ все добывали лишь своимъ трудомъ, одними своими средствами. Въ сношеніе съ ними входили лишь одни китайцы. И только въ половинѣ XIX столѣтія японское правительство заключило торговые договоры съ американцами и европейцами, о которыхъ мы вкратцѣ упоминали прежде.

Съ той поры множество иностранцевъ посѣщаютъ Японію, сами японцы тысячами посылаютъ молодыхъ людей своихъ въ Америку и Европу. При заключеніи трактатовъ, хотя бы, напр., съ русскими, японцы начали было высказывать свое желаніе—выговорить за-

прещеніе распространять въ ихъ странѣ христіанскую вѣру, но имъ отвѣтилъ на это нашъ извѣстный государственный дѣятель графъ Муравьевъ-Амурскій:

„Если я убѣжденъ въ истинности моей вѣры, я не могу не говорить этого, отъ васъ же зависитъ — слушать меня или не слушать“.

Послѣ такого простого, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримаго отвѣта японцы дали иностранцамъ полную свободу строить христіанскіе храмы и отправлять свое богослуженіе. Съ тѣхъ поръ явилась въ предѣлахъ Японіи и святая православная вѣра.

Въ 1859 году Россійскій Императорскій консулъ Гошкевичъ на консульскія средства въ приморскомъ городѣ Хакодате, на островѣ Езо, соорудилъ православную русскую церковь. Первымъ священнослужителемъ въ этой церкви былъ флотскій протоіерей Маховъ, служившій тамъ, однако, не болѣе года. Въ 1860 году, ровно черезъ годъ по построеніи этого храма, консулъ Гошкевичъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ просилъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ прислать въ Японію на мѣсто священника консульской церкви человѣка съ высшимъ академическимъ образованіемъ. Св. Синодъ сдѣлалъ предложеніе студентамъ 4 курса С.-Петербургской духовной академіи. На этотъ вызовъ откликнулся одинъ изъ студентовъ академіи XXIV курса Николай Касаткинъ. Онъ былъ постриженъ въ монашество, возведенъ въ санъ іеромонаха и въ скоромъ времени отправился въ Японію. Онъ прибылъ туда въ 1861 году.

Первые семь лѣтъ своего пребыванія въ Японіи іеромонахъ Николай занимался серьезнымъ изученіемъ японскаго языка, исторіи и литературы, дѣлалъ переводы изъ нѣкоторыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на японскій языкъ.

„Я старался, — говоритъ онъ, — сначала со всею тщательностью изучить японскую исторію, религію и духъ

японскаго народа, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ осуществимы тамъ надежды на просвѣщеніе страны евангельской проповѣдью“.

И что же оказалось? На это о. Николай отвѣчаетъ:

„Чѣмъ больше я знакомился съ страной, тѣмъ болѣе убѣждался, что очень близко время, когда слово Евангелія громко раздастся тамъ и быстро пронесется изъ конца въ конецъ имперіи“.

И вотъ въ концѣ 1863 года іеромонахъ Николай предпринимаетъ путешествіе въ Россію съ тѣмъ, чтобы ходатайствовать здѣсь объ открытіи въ Японіи русской духовной миссіи.хлопоты его въ концѣ-концовъ увѣнчались успѣхомъ, и ровно черезъ годъ, т. е. въ 1870 г., о. Николай возвратился въ Японію въ качествѣ начальника новооткрытой, хотя еще не вполне сформировавшейся, миссіи.

Всѣхъ миссіонеровъ по штату положено было четыре,—для четырехъ миссіонерскихъ становъ: въ Едо, столицѣ Японіи (Токио), Хакодате, Нагасаки и Гонго. Съ перваго же раза о. Николай могъ взять съ собой только одного сотрудника изъ студентовъ Казанской духовной академіи, священника Воронцова, но и тотъ заболѣлъ еще дорогою и, пробывъ только въ Японіи два мѣсяца, долженъ былъ возвратиться назадъ въ Россію. Въ 1871 году въ качествѣ миссіонера отправился въ Японію іеромонахъ Анатолій, кандидатъ Кіевской академіи, который и сдѣлался наиболѣе трудолюбивымъ, полезнымъ и виднымъ сотрудникомъ о. Николая. Въ 1874 году туда же были опредѣлены миссіонерами еще два іеромонаха Кіево-Печерской лавры: о. Моисей и о. Евѣимій изъ студентовъ Смоленской семинаріи.

Не много времени прошло, и только два человѣка— о. Николай и о. Анатолій — занимались до сихъ поръ распространеніемъ православной христіанской вѣры между японцами, но при помощи Божіей и ими было сдѣлано уже многое.

Главнымъ дѣятелемъ японской миссіи остается о. Николай, бывший тогда іеромонахомъ, затѣмъ, какъ начальникъ миссіи, архимандритомъ, а нынѣ — уже епископъ, человекъ пламенный, необыкновенно энергичный и всецѣло преданный своему дѣлу. До прибытія о. Анатолія въ Японію онъ находился въ прежнемъ мѣстѣ своего служенія—въ Хакодате, здѣсь проповѣдывалъ Христа, день и ночь занимаясь обученіемъ японцевъ не только вѣрѣ, но и русскому языку. Здѣсь имъ однимъ въ быле крещено 50 человекъ. Когда же прибылъ с. Анатолій и успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ японскимъ языкомъ, тогда с. Николай оставилъ его на своемъ мѣстѣ въ Хакодате, а самъ отправился въ столицу Японии—Едо, или по нынѣшнему Токио. И здѣсь къ нему обратилось въ самое короткое время множество японцевъ, изъ которыхъ одни просили его обучать ихъ или дѣтей ихъ русскому языку, другіе прямо желали христіанскаго вѣроученія. И о. Николай немедленно принялъ на себя тотъ и другой трудъ.

„Лишь только узналъ кое-кто, что я пріѣхалъ,—пишетъ о. Николай отъ 20 октября 1872 года,—какъ появились толпы юношей, жаждавшихъ русскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ религіознаго образованія. На первый разъ собралось вокругъ меня человекъ 70, которыми я сначала и ограничился, потому что больше и помѣстить негдѣ, хотя каждый день приходятъ новые и новые просители. Здѣсь, въ этой удивительной странѣ, все не такъ, какъ въ другихъ странахъ; здѣсь не проповѣднику истинной вѣры нужно гоняться за гибнущими душами, хладнокровно соображая свои дѣйствія съ своими средствами и своими личными вкусами: здѣсь, напротивъ, за нимъ гонятся, его ищутъ; не ему приходится стучать въ двери сердецъ—къ нему гурьбой стремятся; изъ приходящихъ весьма многіе просятъ обучать ихъ русскому языку, и я веду это дѣло.

И есть успѣхъ? Еще бы! Что-жъ бы иначе заставило тратить время и труды. Вотъ въ сумерки вышелъ я разъ къ спуску съ холма: внизу, вижу, дворникъ жжетъ мусоръ, кругомъ точно муравейникъ учениковъ (часть былъ гулянья). Увидѣвъ меня, всѣ бросились на верхъ прямо по отвѣсному почти подъему холма; съ часъ проговорилъ съ ними и хотя бы слово по-японски, но все по-русски,—и понимаютъ“.

По извѣстію отъ 12 августа 1873 года, о. Николай въ японской столицѣ приглашенъ былъ въ одно изъ частныхъ училищъ, устроенныхъ по европейскому образцу, читать лекціи о религіи, и на это было получено разрѣшеніе отъ японскаго правительства, хотя въ этомъ разрѣшеніи и сказано, что оно дается секретно, потому что свобода вѣроисповѣданія свободно еще не разрѣшена. Въ этой школѣ было 300 учениковъ.

Въ 1873 году отцомъ Николаемъ въ Токио принята была постройка церкви, и отдана для школы и его собственнаго помѣщенія постройка, которая уже нынѣ давно окончена. До тѣхъ же поръ, пока было готово это новое помѣщеніе, — обстановка, въ которой жилъ и училъ отецъ Николай, была весьма незавидна. Вотъ, напр., его помѣщеніе, бывшее на первыхъ порахъ:

„Одна комната на чердакѣ, по точнѣйшему измѣренію 11 кв. футовъ. Вычтите изъ этого пространство, занимаемое столами, стульями и подобіемъ самодѣльнаго дивана, замѣняющаго кровать! Высота комнаты такая, что человѣку большого роста едва можно стать. Разочтите, сколько воздуха въ такомъ жильѣ. И въ немъ-то, однако, происходитъ обученіе Закону Божію 20 человѣкъ. Сидѣли на стульяхъ, на диванѣ, на полу, на ступенькахъ, ведущихъ на чердакъ. Къ счастью еще два окна, одно наискось отъ другого; если благотворительная природа посылаетъ вѣтерокъ, то ничего еще. А нѣтъ теченія воздуха — духота нестерпимая. Вниманіе съ трудомъ связываетъ мысли,

самое горло отказывается служить болѣе, чѣмъ полтора—два часа за-разъ. И слушателямъ плохо: бѣдныя усердствуютъ слушать новое ученіе и аккуратно приходятъ, усердно работаютъ вѣрами, чтобы освѣжить лобъ и возбудить движеніе мысли. Что дѣлать? Прекратить катихизацію, пока жара спадетъ, начнутся дожди, потомъ холодъ, благодѣтельные окна придется затворить, и будетъ та же самая духота въ каморкѣ съ меньшимъ еще количествомъ свѣжаго воздуха. Увы, и лѣтомъ, и зимой, и круглый годъ въ такомъ жильѣ будетъ все то же неудобство для проповѣди“.

Однако же, о. Николай проповѣдуетъ. Его необыкновенная энергія все преодолеваетъ, его пламенная ревность къ распространенію ученія Христова возвышается надъ всѣми трудностями и неудобствами. Число чадъ возникающей православной японской церкви въ Токио, или Едо, созидаемой о. Николаемъ, было сначала невелико. Но и когда св. Кириллъ и Меѳодій шли въ славянскія земли, тогда въ Греціи, конечно, никакъ не думали, что они будутъ основателями многомилліонныхъ церквей славянскихъ. Довольно того, что эти сѣмена падаютъ на плодотворную почву.

Какъ мы уже сказали, въ 1871 году къ отцу Николаю въ Японію присоединился отецъ Анатолій, ставшій ближайшимъ и самымъ ревностнымъ сотрудникомъ начальника нашей миссіи въ Японіи. Невозмутимый характеръ, ровность и послѣдовательность во всѣхъ дѣйствіяхъ, тактичность и удивительное терпѣніе, иногда необходимое при обращеніи съ японцами,—все это было въ избыткѣ соединено въ немъ; прибавьте къ этому способность къ изученію языковъ,—въ годъ съ небольшимъ онъ настолько изучилъ японскій языкъ, что не только объясняется съ японцами, но и дѣлаетъ переводы (имъ переведены пасхальный канонъ, житія избранныхъ святыхъ и исторія церкви) Кромѣ всего этого,—что самое главное,—при глубокой

любви къ своему дѣлу, подобно о. Николаю, онъ пользуется большою любовью народа, которая необходима во всякомъ дѣлѣ, особенно же въ миссіонерскомъ. При такомъ миссіонерѣ и благодаря тому, что въ Хакодатѣ болѣе 10 лѣтъ существуетъ русская церковь и многое для распространенія вѣры христіанской приготовлено было о. Николаемъ, — здѣсь православная христіанская вѣра распространяется гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ столицѣ Японіи—Токію.

Вотъ что написано изъ стана Хокодате отъ 28 іюля 1873 года: „Хакодатѣ служить главнымъ центромъ православія въ Японіи. Сюда приходятъ весьма многіе изъ другихъ мѣстъ, особенно изъ Сендая, сѣверной оконечности Ниппона, слушать православное вѣроученіе; многіе изъ приходящихъ принимаютъ здѣсь св. крещеніе. Рѣдкое воскресенье проходитъ безъ крещенія; въ послѣднее время крещающіеся большею частью были женщины, многія съ грудными младенцами. Были примѣры крещенія цѣлыхъ семействъ. Въ воскресные и праздничные дни христіане и не-христіане во множествѣ идутъ въ церковь, которая въ эти дни бываетъ полна и даже не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ, почему между японцами-христіанами родилась мысль построить новую, болѣе обширную церковь, — мысль, которая въ послѣдствіи и осуществилась, тѣмъ болѣе, что эта мысль родилась въ средѣ христіанъ, достаточно богатыхъ и имѣющихъ вліяніе. Для неимущихъ христіанъ усердіемъ о. Анатолія устроено братство, цѣль котораго оказывать помощь нуждающимся. Каждый членъ вноситъ посильную лепту, и, кромѣ того, въ церкви устроена на тотъ же предметъ кружка, которая находится въ вѣдѣніи церковнаго старосты и за печатями его и о. Анатолія. Для повѣрки прихода и расхода суммъ ежемѣсячно собираются братчики. Ссуды дѣлаются взаимнообразно, а въ исключительныхъ случаяхъ безвозвратно. Сумма братства возросла свыше 200 сотъ дол-

ларовъ, — сумма, правда, незначительная, но, принимая во вниманіе недавнее учрежденіе братства и дешевизну простого японскаго житія (жизнь простого японца въ мѣсяцъ обходится два доллара), — порядочная.

Не смотря на то, что еще въ Японіи официально не признана полная свобода вѣроисповѣданій, всякій, желающій быть христіаниномъ, совершенно свободно дѣлается таковымъ. Церковныя требы исполняются явно и безпрепятственно; было даже нѣсколько примѣровъ отпѣваній христіанъ на японскомъ кладбищѣ, совершенныхъ о. Анатолиемъ; въ праздничные дни, какъ Пасха и Рождество, о. Анатолій посѣщаетъ дома христіанъ съ крестомъ.

Обѣдня вся совершается на японскомъ языкѣ. Составился маленькій хоръ изъ японцевъ. Напѣвы цѣлкомъ взяты русскіе съ незначительными измѣненіями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Всенощная тоже служитъ на японскомъ языкѣ. Въ окончаніи обѣдни раздается антидоръ, во время раздачи котораго читается псаломъ. По окончаніи же каждой всенощной бываетъ чтеніе исторіи церкви или катихизическія бесѣды.

Богослуженіе есть душа церковности; церковность есть душа христіанства. Желая богослуженіе въ ново-созидаемой церкви японской сдѣлать, сколько возможно, благолѣпнымъ, о. Николай съ о. Анатолиемъ въ началѣ 1874 года вызвали къ себѣ изъ Россіи на свои средства спеціалиста по части пѣнія, который бы организовалъ, какъ слѣдуетъ, церковное пѣніе въ Японіи. Это былъ родной братъ о. Анатолія, студентъ семинаріи, бывшій учителемъ пѣнія въ одной изъ Московскихъ гимназій. Всѣхъ крещенныхъ въ Хакодате въ 1873 году, по извѣстію отъ 26 декабря того же года, было 300 человѣкъ.

Но вотъ вопросъ что это за христіане? Имѣютъ ли они въ себѣ признаки истинно-христіанской жизни и крѣпости духовныхъ силъ?

На это можно отвѣтить, что „никто же вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ“. Но въ новонасаждаемыхъ церквахъ въ началѣ всегда и вездѣ бывають обстоятельства, при которыхъ въ новообращенныхъ, ясно обнаруживается духъ христіанскій. Такимъ обстоятельствомъ для новообращенныхъ бываетъ обыкновенно гоненіе и преслѣдованіе со стороны соотечественниковъ, исповѣдывающихъ старыя вѣрованія. Такъ было и въ Японіи, гдѣ доселѣ самое правительство, хотя и отрѣшалось отъ прежнихъ предубѣжденій противъ христіанства, но до сихъ поръ не обнаруживаетъ полной свободы вѣроисповѣданій, опасаясь въ странѣ смуть и безпорядковъ. Въ февралѣ 1872 года на островѣ Ниппонѣ восемь человѣкъ наиболѣе ревностныхъ христіанъ, заключено было въ тюрьму и до 120 человѣкъ были требованы къ допросу. Допрашиваемы были даже 10 и 12-лѣтніе дѣти, которыя своими отвѣтами поражали невѣрующихъ. Хотя между послѣдними много было непросвѣщенныхъ св. крещеніемъ, но никто не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, и гоненіями еще болѣе утверждалась св. православная вѣра. „Гоненія, видимо, послужили къ славѣ Божіей“,—пишетъ отецъ Николай.

Въ томъ же году было преслѣдованіе православныхъ въ Хакодате. По русскому обычаю православной церкви въ Хакодате во всю недѣлю пасхальную продолжался цѣлѣдневный звонъ, который и язычниковъ изъ японцевъ привлекалъ въ церковь, такъ что въ теченіе недѣли ихъ перебивало до 3000 человѣкъ. При этомъ христіане изъ японцевъ приходящимъ язычникамъ объясняли по иконамъ догматы православной вѣры, и кто принималъ наставленіе съ расположеніемъ, тѣхъ приглашали въ миссіонерскій домъ для вечернихъ, болѣе подробенныхъ собесѣдованій и наставленій въ вѣрѣ. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ потребовалъ къ себѣ японскихъ проповѣдниковъ вѣры Христовой

и однихъ заключилъ въ крѣпость, другихъ въ тюрьму, откуда они вскорѣ, впрочемъ, были освобождены по предписанію высшаго правительства, причемъ воспрещено было провинціальнымъ властямъ на будущее время даже предпринимать какія-либо мѣры противъ христіанъ безъ предварительнаго разрѣшенія высшаго правительства.

Въ слѣдующемъ 1873 году по особому повелѣнію былъ снятъ и тѣмъ отмѣненъ изданный слишкомъ 200 лѣтъ назадъ и повѣшенный на площадяхъ указъ, которымъ за исповѣданіе христіанской вѣры назначалась смертная казнь. Эти послѣднія распоряженія весьма благопріятны христіанству. Но несмотря на это многіе чиновники въ Хакодате, о которыхъ сдѣлалось извѣстно губернатору, что они христіане, лишены были своихъ должностей. Особенно же чувствительный ударъ христіанству былъ нанесенъ въ это гоненіе русской миссіи и церкви въ Хакодате тѣмъ, что правительствомъ предписано было выслать изъ этого города всѣхъ христіанъ, бывшихъ тамъ изъ другихъ областей. Вслѣдствіе этого предписаніе два японца, занимавшіеся распространеніемъ христіанства въ Хакодате, нѣсколько литографовъ, которые печатали книги, переводимыя нашими миссіонерами на японскій языкъ, и нѣсколько учениковъ миссіонерской школы должны были оставить Хакодате. Но удаленіе ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужило къ большому распространенію святой вѣры въ другихъ мѣстахъ. Свидѣтельствуя о твердости увѣровавшихъ японцевъ въ вѣру Христовой и ихъ высоко-христіанскихъ качествахъ, а также о благихъ послѣдствіяхъ бывшихъ гоненій, особенно живыми чертами о. Николай изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ живую воспримчивость къ вѣрѣ японцевъ вообще и даже некрещенныхъ.

„Признаки того, что угодно Богу просвѣщеніе Японіи свѣтомъ Евангелія,—пишетъ онъ,—выясняются все

болѣе и болѣе. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на этотъ живой кипучій народъ. Онъ-ли не достоинъ быть просвѣщеннымъ свѣтомъ Евангелія? Желаніе просвѣщаться, заимствовать отъ иностранцевъ все хорошее проникаетъ его до мозга костей. Къ вѣрѣ ли одной останется равнодушнымъ этотъ народъ? О, нѣтъ! Съ каждымъ днемъ приходятъ къ намъ новые люди, любопытствующіе знать о Христѣ. Съ каждымъ днемъ число обращенныхъ растетъ. Какъ только наши христіане, бывшіе въ тюрьмѣ, были выпущены на свободу, вдвое большее количество новыхъ лицъ притекло узнать Христа. То въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, слышно, желаютъ имѣть христіанскаго проповѣдника; вотъ и въ третей провинціи есть расположенные слушать проповѣдь о Христѣ; тамъ и сямъ народъ обнаруживаетъ впечатлительную мягкость, какъ воскъ. Господь непустилъ насъ испытать гоненіе, но набѣжавшая туча уже пронеслась мимо. И какъ гроза оживляетъ красоты природы, такъ и минувшее испытаніе воспламенило еще больше и безъ того полные ревности сердца чадъ Христовыхъ. Какой благодатный часъ, какая рабочая пора!..“

Чтобы еще нагляднѣе представить, какая обильная воспріимчивость, такая горячая любовь и ревность къ вѣрѣ Христовой и такая непоколебимая твердость въ исповѣданіи о ней проявляются между новообращенными японцами, упомянемъ объ одной личности изъ японцевъ, весьма интересной, всецѣло посвятившей себя дѣлу не только усвоенія, но и распространенія вѣры Христовой между соотечественниками. Это нѣкто Павелъ Савабе. Павелъ Савабе былъ прежде бонзой (жрецомъ) одной изъ древнѣйшей кумирни въ г. Хакодатѣ. Онъ жилъ въ довольствѣ и счастіи, получалъ значительные доходы, пользовался уваженіемъ народа, имѣлъ прекрасную молодую жену, маленькаго сына и родныхъ по женѣ, бывшихъ на его попеченіи. Онъ

гордился своимъ отечествомъ и вѣрою своихъ предковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ презиралъ иностранцевъ и ненавидѣлъ ихъ вѣру, о которой имѣлъ самыя неосновательныя понятія. Савабе часто бывала у русскаго консула и тамъ встрѣчалась съ с. Николаемъ. Встрѣчая его обыкновенно холодный взглядъ и гордые манеры, с. Николай не считалъ нужнымъ искать его знакомства. Но однажды Савабе самъ зашелъ къ нему, именно побуждаемый желаніемъ высказать свое презрѣніе и несклонность къ нему и къ его христіанской вѣрѣ. Рѣзкими и насмѣшливыми возраженіями начавъ прямо разговоръ о вѣрѣ, онъ въ продолженіе бесѣды дѣлался однакожь постепенно серьезнѣе и задумчѣе и заключилъ ее просьбой о позволеніи на другой день придти и поговорить о томъ же. На другой день онъ уже тихо и спокойно велъ бесѣду, видимо, заинтересовавшись открывшеюся передъ его глазами совершенно новою для него областью христіанскаго ученія и жизни, и опять просилъ о. Николая начать уже правильное преподаваніе ему православнаго вѣроученія. Со слѣдующаго дня о. Николай раскрылъ предъ нимъ Священную Исторію Ветхаго Завета. Савабе въ то же время вынулъ кисть и сталъ записывать, что было говорено. Рѣчь на каждомъ словѣ прерывалась возраженіями и объясненіями, но со дня на день возражений становилось меньше, и Савабе все съ большимъ и большимъ усердіемъ замѣчалъ на бумагѣ каждую мысль и имя. Такое собесѣдованіе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и Павелъ Савабе изъ яростнаго язычника сдѣлался ревностнѣйшимъ христіаниномъ въ душѣ, и до того это было въ немъ искренно, что никакія бѣдствія не могли поколебать въ немъ вѣры во Христа.

„Передъ моими глазами,—пишетъ о. Николай,—совершился процессъ испытанія и укрѣпленія силъ этого новорожденнаго. Его испытанія были до крайности

тяжки и разнообразны, но терпѣніе и высоко-христіанское мужество испытуемаго были также поразительны“.

Бѣды начали преслѣдовать Павла Савабе почти съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ посѣщать о. Николая. Сначала жена его подверглась сумасшествію (играя огнемъ, она сожгла домъ). По долгу христіанина онъ уже не могъ служить въ должности жреца, но оставляя эти должности въ сторонѣ, онъ лишился средствъ къ существованію и содержанію своего семейства. При этомъ, какъ ему ни было больно, онъ рѣшился на время оставить своего семилѣтняго сына при заблужденіяхъ язычества и предоставилъ ему свою должность съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ сыномъ на содержаніи кумирни оставались больная жена Савабе и ея родные. Самъ же онъ отдалъ себя въ полное распоряженіе о. Николая и поступилъ на его содержаніе.

Нонесчастія продолжали преслѣдовать его: скрываясь однажды отъ преслѣдованія властей, онъ принятъ былъ за соглядатая, схваченъ и брошенъ въ тюрьму, хотя и не надолго. Затѣмъ онъ вторично построилъ на собранныя приходомъ кумирни деньги домъ для своего сына, но и этотъ домъ сгорѣлъ со всеѣмъ имуществомъ во время бывшей въ Японіи въ 1869 г. междоусобной войны.

При всеѣхъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Савабе не только не палъ духомъ, но нашелъ еще возможнымъ сноситься во время гоненія съ заключенными въ крѣпости христіанами и доставлять имъ христіанскія книги, у себя же по-прежнему продолжалъ катихизическія собранія. Такія собранія происходили близъ кумирни, въ темной и старой кладовой, но она скоро сгорѣла, и негдѣ было жить ни самому Савабе, ни его семейству. Онъ сталъ жить въ предмѣстьѣ города: то въ полуразрушенномъ домѣ, то въ пустующей харчевнѣ, откуда онъ долженъ былъ ежедневно ходить въ городъ къ своимъ друзьямъ, чтобы преподавать имъ христіанскіе

уроки. Отсюда же, оставивъ семейство, онъ въ 1872 г. прибылъ въ Токіо по первому слову о. Николая. А изъ Токіо съ такою же готовностью онъ отправился для просвѣщенія своихъ единоплеменниковъ вѣрою Христовой въ провинцію Сендай, гдѣ жители очень расположены къ христіанству, но куда воспрещенъ еще входъ европейцамъ.

И тамъ за свою ревность къ распространенію вѣры христіанской въ гоненіе 1872 года Савабе заключенъ былъ въ подземелье, изъ котораго рѣдкій выходитъ, не утративъ навсегда здоровья. Бѣдный Савабе, по словамъ о. Николая, трудился для Христа, какъ рѣдкіе въ мірѣ трудятся. Онъ весь преданъ своему труду; онъ весь въ трудѣ, и что его труды не тщетны, свидѣтельствуютъ десятки привлеченныхъ имъ ко Христу. И что же онъ получаетъ за свои труды? Тяжкое бремя скорбей, до того тяжкое, что рѣдкій въ мірѣ не согнулся бы или не сломился бы подъ этою тяжестью! Высочайшею наградой для себя онъ счелъ бы, если бы кто выкупилъ его сына у языческихъ боговъ и отдалъ бы ему для посвященія Христу! Какая законная награда и какое утѣшеніе было бы этому труженику, котораго, кромѣ другихъ скорбей, постоянно гнететъ мысль, что, призывая другихъ ко Христу, онъ оставляетъ свое родное дѣтище вдали отъ Него заражаться тлетворнымъ воздухомъ кумирни!

Кромѣ знаменитаго Павла Савабе, распространителями православной христіанской вѣры въ разныхъ мѣстностяхъ Японіи являются и другіе природные японцы, болѣе развитые и умѣвшіе хорошо ознакомиться съ истинами православной вѣры; таковы: Матоей Кинчети, Павелъ Цуди, Іоаннъ Сокай, Іаковъ Урано, которые также успѣли заявить себя ревностными проповѣдниками и даже исповѣдниками имени Христова и которые вмѣстѣ съ другими подобными нарочно избираются и уполномочиваются нашими вѣропроповѣд-

никами на дѣло проповѣди Евангельской и называются катихизаторами.

Необходимость имѣть въ Японіи катихизаторовъ изъ самихъ японцевъ и разсылать ихъ основывается на недостаточности числа русскихъ вѣропроповѣдниковъ. До 1874 года ихъ было всего двое: велико ли число лицъ, съ которыми они могутъ приходить въ личныя сношенія? При томъ трудности японскаго языка до того велики, что и 10 лѣтъ проживъ въ Японіи, при усиленныхъ занятіяхъ языкомъ, все-таки чувствуется, что остается еще многое для изученія. Кромѣ того, на обязанности русскихъ вѣропроповѣдниковъ лежитъ переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на японскій языкъ и вообще основаніе богословской литературы, служба въ церкви, преподаваніе въ школахъ, а на первыхъ порахъ и устройство самыхъ церквей и школъ. При такихъ обстоятельствахъ много ли останется времени для проповѣди народу? Въ особенности же драгоцѣнна помощь вѣропроповѣдниковъ изъ японцевъ въ провинціяхъ, еще недоступныхъ для европейцевъ. Кромѣ вѣропроповѣдниковъ изъ японцевъ, или такъ называемыхъ катихизаторовъ, наши миссіонеры на свое жалованье должны содержать еще школы, пріобрѣтать учебныя пособія, содержать какую-нибудь типографію или литографію для печатанія книгъ, переводимыхъ на японскій языкъ.

Все нужды и нужды. Но важнѣйшая изъ всѣхъ нуждъ русской миссіи въ Японіи заключается, конечно, въ устроеніи тамъ православныхъ церквей. Что значить миссіонеръ безъ церквей? На это дѣло при составленіи штатовъ миссіи Св. Синодомъ ассигновано по три тысячи рублей для cadaго изъ 4 становъ. Но этихъ средствъ, конечно, весьма недостаточно, когда на примѣръ, въ Токио за одну землю подъ устройство церкви приходится платить около трехъ тысячъ рублей. Въ послѣднія пять лѣтъ въ столицѣ Японіи

страшно повысились цѣны на землю. О разныхъ матеріальныхъ нуждахъ миссіи, при всей своей сдержанности и видимомъ нежеланіи объяснять свои затрудненія, о. Николай иногда говоритъ невольно. И всѣ тѣ строки, въ которыхъ онъ касается этихъ нуждъ, писаны не чернилами, а кровію и слезами. Вотъ на примѣръ, нѣсколько такихъ строкъ:

„Давно я получилъ Ваше письмо и простите, что до сихъ поръ не отвѣчалъ. Да что и отвѣчать? Кричать о помощи—одно, что я могу писать въ Россію ко всѣмъ нашимъ друзьямъ. Я и кричалъ, и къ вамъ, вѣрно, доходилъ мой голосъ, такъ какъ писать о нуждахъ, о каждой отдѣльно и каждому порознь—только сердце надрывать да время терять, и вамъ всѣмъ надобѣдать, и тѣмъ лишать себя всякой надежды на устраненіе нуждъ. Лучше вмѣстѣ, ко всѣмъ разомъ, хоть и рѣже. Утѣшите ли миссію? Прошлагодня нужды ни одна не устранена еще, а новыхъ еще важнѣйшихъросло вдвое больше, особенно съ тѣхъ поръ, какъ миссія, съ моимъ переѣздомъ въ Токио, раздѣлилась на два стана“.

Въ виду многообразныхъ нуждъ нашихъ проповѣдниковъ въ Японіи Его Императорское Высочество Великій Князь Алексій Александровичъ, во время своего путешествія по Дальнему Востоку посѣтившій Японію и въ ней нашу миссію, пожертвовалъ на миссіонерскій станъ въ Токио 3500 долларовъ и въ Хакодате 1500 долларовъ *).

Въ 1873 году Высокопреосвященному Исидору, митрополиту С.-Петербургскому, благоугодно было выдать сборную книгу священникамъ: Благовѣщенской, что на Васильевскомъ островѣ, церкви о. Іоанну Демкину и Михайловской церкви въ Инженерномъ замкѣ о. Ѳеодору Быстрову—для записи добровольныхъ по-

*) Америк. долларъ на русскія деньги стоятъ приблизительно 1 р. 50 к.

жертвованій отъ столичныхъ церквей и духовенства и отъ извѣстныхъ своею благотворительностью лицъ на устройство церквей и школъ въ Японіи и на призрѣніе бѣдныхъ крещеныхъ и готовящихся къ принатію св. Крещенія японцевъ. Много нуждъ у русскаго народа и общества, такъ сказать, своихъ, домашнихъ. Но это не освобождаетъ никого отъ исполненія священнѣйшаго долга дѣлиться сокровищемъ истинной вѣры съ другими, не только ближними въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и дальними. Въ притчѣ о самарянинѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ ясно поучаетъ насъ, кто нашъ ближній. Ближній—всякій человѣкъ, даже врагъ. Россія въ настоящее время есть единственная въ мірѣ православная держава, которая можетъ и потому должна служить интересамъ православія среди другихъ народовъ. Японія по своему мѣстоположенію находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Россіей въ Азіи. Рано или поздно, а намъ придется стать твердою ногою на Дальнемъ Азіатскомъ Востокѣ. И чѣмъ большіе успѣхи тамъ сдѣлаетъ православіе, тѣмъ спокойнѣе и прочиѣ тамъ будетъ положеніе Россіи. Поэтому всякая жертва на распространеніе и утвержденіе православной христіанской вѣры въ Японіи несомнѣнно съ избыткомъ можетъ вознаградиться даже и въ области международныхъ отношеній между Россією и Японіей.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ привести краткую выдержку изъ прекрасной главы „*Киодо Николай*“ (Братство Николая), помѣщенной въ книгѣ Г. Д. Шрейдера: „Японія и японцы“, рисующей въ яркихъ чертахъ какъ современное положеніе русской миссіи, такъ и маститаго начальника ея—преосвященнаго Николая.

Почти въ центрѣ Токио, въ мѣстности называемой Суруга-Дай, находится извѣстное не только въ „Странѣ Восходящаго Солнца“, но и на всемъ русскомъ Востокѣ, Братство Николая, или по японски—Киодо

Николай. Отца Николая, стоящаго во главѣ миссіи, знаетъ почти каждый японецъ, живущій въ Токио.

„Когда я сказалъ, — пишетъ одинъ путешественникъ, — своему курумѣ о цѣли своего путешествія и, руководствуясь планомъ города, началъ было растолковывать ему, куда мнѣ нужно ѣхать, то онъ даже не на шутку обидѣлся и отвѣтилъ, несмотря на то, что онъ только бѣдный курума № 15, что и онъ кое-что знаетъ, что и до его ушей также достигала молва „о добромъ отцѣ Николаѣ“, извѣстномъ чуть ли не каждому „анко“ (т. е. мальчишкѣ). Послѣ не разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что популярность отца Николая въ Японіи, дѣйствительно, почти безгранична.

„Скоро, за безконечнымъ странствованіемъ по улицамъ и переулкамъ обширной японской столицы, мы подѣхали, наконецъ, къ братству Николая. Грандіозныя каменные зданія братства, казавшіяся рядомъ со всѣми окружающими ихъ почти игрушечными домиками еще массивнѣе и величественнѣе, занимали огромное пространство земли; все это было пріобрѣтено нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскимъ правительствомъ за восемьдесятъ тысячъ іенъ и отдано въ распоряженіе туземной русской миссіи, которая и занялась — за счетъ русскаго же правительства — устройствомъ необходимыхъ сооружений. Мы вѣхали въ широкія, настежь раскрытыя каменные ворота „братства“ и очутились въ обширномъ дворѣ, тщательно уложенномъ камнями и булыжникомъ. Съ правой стороны виднѣлось одноэтажное каменное зданіе. Окна были завѣшены циновками, но и черезъ нихъ къ намъ наружу доносились звуки молодыхъ дѣтскихъ голосовъ. Здѣсь была школа хорового церковнаго пѣнія для маленькихъ японскихъ „мусме“. Слева видно было вчернѣ оконченное двухъэтажное кирпичное зданіе, предназначенное для помѣщенія бібліотеки братства. Прямо противъ воротъ, на небольшомъ отъ нихъ

разстояніи, виднѣлось огромное трехъ этажное зданіе православной семинаріи, далѣе небольшія службы и пристройки, и въ глубинѣ двора на равной площадкѣ высилось внушительное зданіе миссіонерской православной церкви, „Храма Воскресенія“, въ русско-византійскомъ стилѣ.

„Позлащенный лучами солнца куполъ храма сверкалъ высоко въ чистомъ воздухѣ декабрьскаго утра, господствуя надъ ближайшими окрестностями. Во дворѣ было пусто. Я уже намѣревался войти въ ближайшую дверь, но въ это время изъ-за угла семинаріи показался японецъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ. Я обратился подъ впечатлѣніемъ окружающей меня обстановки, необычной въ Японіи, къ нему по-русски съ вопросомъ, могу ли я видѣть о. Николая, и каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ отвѣтилъ на русскомъ языкѣ съ чуть замѣтнымъ японскимъ акцентомъ:

— „О, да! Епископа можно видѣть. Онъ сидитъ сейчасъ въ библіотекѣ; она находится вонъ тамъ, подъ колокольной. Впрочемъ, я самъ васъ сведу туда.

„И мой словоохотливый собесѣдникъ быстро свернулъ въ противоположную сторону той, куда онъ шелъ, и отправился со мной къ епископу. По дорогѣ я спросилъ, гдѣ онъ учился, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ Кіевѣ.

— „Значить, Вы были въ Россіи?—воскликнулъ я.

— „Какъ же. И даже недавно пріѣхалъ оттуда.

„Мы шли далѣе; зашли въ церковь, которая поражаетъ своею просторностью, свѣтомъ и чистотою. Кое-гдѣ на циновкахъ видны были фигуры распростершихся въ благоговѣйной молитвѣ туземцевъ. Наконецъ мы вошли въ библіотеку.

„Апостолъ Японіи, отецъ Николай, сидѣлъ на стулѣ у простого деревяннаго стола, сплошь, какъ и весь полъ комнаты, заваленнаго книгами. Маститый епископъ приводилъ въ порядокъ обширную библіотеку.

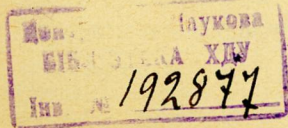
О. Николай былъ такъ сильно погруженъ въ работу, что и не замѣтилъ нашего прихода. Наконецъ увидѣвъ меня, онъ всталъ со своего мѣста и ласково привѣтствовалъ въ моемъ лицѣ своего соотечественника. „У насъ здѣсь не часто бываютъ такіе гости“, — улыбувшись, сказалъ онъ мнѣ.

„О. Николай въ это время всталъ, и я могъ хорошо разглядѣть этого знаменитаго человѣка, перваго распространителя православія въ Странѣ Восходящаго Солнца, какъ его здѣсь всѣ называютъ. Это еще совсѣмъ не старый человѣкъ, лѣтъ подь пятьдесятъ, высокаго роста, съ густой окладистой бородой, въ которой мѣстами уже серебрятся тонкія нити сѣдыхъ волосъ. Онъ былъ облаченъ въ простую рясу, свободно ниспадавшую по всей его могучей фигурѣ.

„Не мало трудовъ пришлось перенести о. Николаю на своемъ тяжеломъ поприщѣ миссіонера, не мало преждевременныхъ морщинъ избороздило за это время его умное и энергичное лицо. Желая ознакомить меня подробнѣе съ миссіей и ея устройствомъ, онъ поручилъ сопровождать меня одному японцу г. Колисси, тоже только что вернувшемуся изъ Россіи и занимающему теперь мѣсто учителя семинаріи при миссіи, а самъ снова принялся за прерванную моимъ приходомъ работу. Онъ дорожитъ каждою минутою такъ, что не позволяетъ себѣ даже самаго незначительнаго отдыха“.

Таковъ этотъ великій человѣкъ, прозванный за свои, дѣйствительно апостольскіе, труды „первымъ апостоломъ Японіи“.

К О Н Е Ц Ъ

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Географическій очеркъ	3
II. Японцы и ихъ происхожденіе	26
III. Мифы и легенды	41
IV. Религіозныя вѣрованія японцевъ	50
V. Бонзы	61
VI. Религіозныя распри и проповѣдь христіанства въ Японіи .	72
VII. Государственный бытъ японцевъ.	81
VIII. Административное устройство и самоуправленіе въ Японіи.	95
IX. Судебное устройство и законодательство въ Японіи . .	98
X. Сословія въ Японіи	102
XI. Войско и флотъ въ Японіи	107
XII. Пути сообщенія	115
XIII. О сношеніяхъ Японіи съ иностранцами	117
XIV. Общественный и домашній бытъ японцевъ	126
XV. Распространеніе христіанства въ Японіи	147

Изданія П. П. Сойкина. — Спб., Невскій, № 96, у: Надеждинской.

Къ двадцатипятилѣтнему юбилею Русско-Турецкой войны (1877-1878 гг.).

Плевна и Шипка.

Романъ въ 2-хъ частяхъ. *Вас. Из. Немировича - Данченко.* Изданіе 4-е
572 стран. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНО въ учен. старш. и средн. возр. библ. средн. учебн. зав.
Мин. и въ безпл. нар. читальни и библіотеки.

Годъ войны.

Дневникъ русскаго корреспондента (1877—1878 гг.). *Вас. Из. Немировича-Данченко* со включеніемъ годъ войны въ Малой Азіи. *А. Н. Маслова (Бъ-жецкаго).* Въ 3-хъ томахъ. Издан. 3-е. 1140 стран. Цѣна за 3 тома 4 р. 50 коп.

Скобелевъ.

Личныя воспоминанія и впечатлѣнія *Вас. Из. Немировича - Данченко.*
Издан. 4-е. 368 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп.

За братьевъ славянъ.

По поводу 25-лѣтія священной войны (1877—1878 гг.). *И. В. Преображенскаго.*
192 стран. Цѣна 50 коп.

Къ пятидесятилѣтнему юбилею покоренія Туркестанскаго края.

Графъ В. А. Перовскій

и его зимній походъ въ Хиву, въ 2-хъ частяхъ. *И. Н. Захарьина (Якунина).*
216 стран., съ 2 портретами. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. ОДОБРЕНО для фонд. библ. ср. учебн. зав., для учит. библ., учит. инст. и
семин. и гор. уч. и безпл. нар. чит.

Хива.

Зимній походъ въ Хиву графа Перовскаго въ 1839 г. Первое посольство въ
Хиву въ 1842 г. *И. Н. Захарьина (Якунина).* 206 стран. Цѣна 50 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. ОДОБРЕНО для фонд. библ. всѣхъ средн. учебн. зав.

Къ двухсотлѣтію основанія города С.-Петербурга.

Иллюстр. исторія Петра Великаго.

Въ 2-хъ томахъ. Соч. проф. Юрьевскаго унив. *А. Г. Брикнера.* Цѣна 5 руб.,
въ роскошн. переплетѣ 6 руб.

Минувшія судьбы Петерб. края.

Церковно-историч. очерки маг. богословія *Θ. В. Четыркина.* Цѣна 50 коп

Шутъ Балакиревъ.

Повѣсть изъ временъ царствованія Петра Великаго *З. Б. Осетрова.* Ц. 40 к.

Выписывающіе изданія П. П. Сойкина изъ его Книжнаго Магазина (СПб., Невскій, 96,
уг. Надежд.), на сумму не меньше одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ
тѣхъ изданій, за которыя пересылка показана особо.

Книгоиздательство П. П. Сойкина

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книжный Складъ:
Стремянная ул., 12, совѣст. домъ.

Книжный Магазинъ:
Невскій, № 96, уг. Надеждинской.

ЯПОНІЯ И КОРЕЯ.

Очеркъ государственнаго хозяйства, общественнаго строя, быта и военной организаціи. Съ приложеніемъ карты военныхъ дѣйствій. П. Г. Ал-а. Съ иллюстр. по фотографіямъ. Ц. 30 к.

ВЪ СТРАНѢ ГЕЙШЪ.

Воспоминанія объ Японіи. Дра А. В. Елистева. Съ рисунк. худож. Э. Соколовскаго. Ц. 50 к.

Душа Востока.

Религія Великаго Будды. Догматы Буддійской религіи. Н. Лихарева. 2-е изд. Ц. 30 к.

О СЛАВѢ.

Н. М. Соколова. 80 страницъ. Цѣна 50 коп.

БОГИ ЯПОНИИ.

Популярный очеркъ вѣрова- ній японцевъ. Г. Г. Генжеля. Съ рис. В. В. Муйжеля. Ц. 30 к.

Въ Маньчжуріи.

Очерки Сергѣя Рунина. Ц. 1 руб.

ВЪ ТАЙГѢ

Изъ воспоминаній о Далекомъ Востоку.

Дра А. В. Елистева.

Издание второе, 122 стр., съ рис. художниковъ: академика В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсяникова, И. И. Пакова, А. А. Писемскаго и С. К. Пшотровича и портретомъ автора.

Цѣна 50 коп.

О СЧАСТЬѢ.

Психологическіе очерки Н. Лух- мановой. Изящное изд. 142 стр.

Цѣна 75 коп.

СЕНСАЦИОННАЯ ОПТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ.

СТЕРЕОБИХРОМОСКОПЪ

И КЪ НЕМУ

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ (АНАГЛИФОВЪ),

исполненныхъ красками, изображающихъ живописные виды всѣхъ странъ, выдающіяся событія, снимки съ художественныхъ произведеній. **Стереобихромоскопъ** представляетъ *послед- нее слово оптической техники*. **Стереобихромоскопъ** даетъ полную иллюзію разсматриваемыхъ сюжетовъ при свѣтовомъ эффектѣ. За границей **Стереобихромоскопъ** въ короткое время получилъ большую извѣстность и возбудилъ общій интересъ.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

